

В беседе с корреспондентом «Советского патриота» писатель Александр Петрович Казанцев сказал:

— Я заканчиваю повесть «Лунная дорога», которая будет опубликована в журнале «Нева». Вторую часть этой повести «Планета пепла» я с радостью передаю для опубликования в газету «Советский патриот», рассчитывая, что ее читатели в свое время прочтут и ее продолжение.

Историю продолжением повести будут еще две. Одна из них, посвященная полету на Венеру, уже опубликована в октябре в «Комсомольской правде» («Планета буре»), а замечательная повесть «Марсианин» пока существует в виде небольшого рассказа, пролога этой повести. Мне хочется в ближайший год — два закончить эту трилогию, и не без основания думаю, что наши советские люди и этому времени догонят моих героев и сами доберутся до других планет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Человек за бортом

ЧЕЛОВЕК за бортом..

Второй пилот Аникин отпрянул от телевизионного экрана.

Громов, командир космического корабля «Искатель», вскочил с кресла. Высокий, он уперся рукой в потолок кабины.

На экране четко был виден американский «Колумб». От него отделился скафандр, с силой выброшенный из люка.

Нет, это не космонавт, осматривающий корпус... Американская ракета была одноместной и... быстро удалялась.

Громов посмотрел в лицо Аникину.

Широкоплечий, сбитый крепыш с веселым вздернутым носом и внимательными глазами понял его без слов. Он включил дальний радиолокатор, чтобы держать скафандр в поле зрения телеэкрана. Результаты наблюдения поступил в электронно-вычислительную машину. Аникин заложил в нее перфорированную карточку, задав программу работы.

Громов смотрел на телеэкран. Скафандр был сделан из гибкой пластмассы, точно воспроизводя человеческое тело, для которого здесь не было ни верха, ни низа. Распростертое, противостоит несомненно, с торчащими в верхней части экрана ногами и раскинутыми руками, оно медленно вращалось от полученного толчка.

Громов нахмурился и стал старше своих тридцати пяти лет. У него был лоб мыслителя, добрые глаза семьянина и тжаловатые, рубленые черты скуластого лица. Он представил, что чувствует одинокий человек в пустоте среди звезд, и передернул плечами.

Разноцветные колючие звезды горели без мерцания, мертвым жгучим светом, который не рассеивал окружающую их черноту. Несовместимое соседство света и тьмы было особенно диким и странным близ злобно яркого, взвешенного солнца, огненно косматого, похожего на ослепительную медузу в море мрака.

Странен был гигантский диск уже близкой планеты, не серебряной теперь, а серой, изрытой оспинами. Она напоминала килогавшу и вдруг замерзшую массу, на которой, как на закипевшей каше в котелке, вздувались пузырьки, оставив контуры кратеров. Частью затененная, выпуклая; вся в

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

зубцах гор, шероховатая, рельефная, она казалась мрачным центром чужой Вселенной.

— Упадет на Луну? — с тревогой спросил Громов.

Аникин молча указал глазами на ситывающую машину. Она деловито постукивала.

Точно так же постукивала двадцать семь минут назад кибернетическая машина американской ракеты «Колумб». Перфорированную карточку взял с пульта жесткой, чуть дрожащей рукой пилот Том Годвин.

На карточке стояла только одна цифра «27».

Том Годвин не смел поднять глаза..

Все произошло так неожиданно..

Одетый в скафандр с откинутым шлемом Том Годвин лишь недавно пришел в себя. По разработанной для пилота инструкции, которая в космосе имела силу закона, он обязан был перенести взлет и начало пути усыпленным. Перед взлетом он расположился удобно в кресле пилота и принял таблетку. В сладкой истоме он бросил последний взгляд через иллюминатор кабины, как через окно нью-Йоркского небоскреба, увидел отъезжающую решётчатую башню подъемного крана, далекий забор космодрома и за ним толпу репортеров и работников «Америкэн-моторс». Над волнистой линией гор простиралось удивительно синее небо..

И вот недавно, придя в себя, он ощутил в теле пугающую легкость, а в голове гнетущую тяжесть. Небо с битыми в него гвоздями звезд было черным..

По инструкции пилоту предлагалось после пробуждения прочесть свою судьбу. Но не по звездам, как это делают модные астрологи в Америке, а по циферблату приборов.

Автоматы прекрасно вывели ракету на орбиту. Шершавая Луна почти закрывала правое окно. Отвратительный шар без облаков! Кстати, Том Годвин так и не увидел прикрывший облаками земной шар... Теперь Земля была уже диском, огромным, но куда меньшим, чем надвигающийся тысячелетний лунный шар. Край земного диска был сдвинут тенью, он походил на гигантский полумесяц с распыляющимися краями и каким-то странным, рисунком, в котором невозможно было угадать очертания материков.

Стрелки на циферблатах дрожали.

Спина у пилота похолодела. Он не верил глазам. Указатель топлива показывал почти нуль.. Годвин откинулся на спинку кресла.

Что случилось? Как мог получиться такой перерасход?.. Остатка топлива едва хватит, чтобы посадить ракету на Луну. А как вернуться? Просить, чтобы забросили на Луну топливо? Да разве падает автоматическая-ракета в нужное место? Через непроходимые лунные горы, одному человеку топлива не доставить..

Пилот умел держать себя в руках, даже когда был совершенно один среди звезд и приборов. Недаром он проходил на Земле жестокую тренировку одиночеством.

Он не боялся одиночества. Во всяком случае считал, что оказаться на Земле за бортом жизни куда хуже, чем лететь одному на борту надежной ракеты в космосе.

А вылететь «за борт» на Земле у Тома Годвина было много возможностей. Его отец был убит в корейскую войну. Зачем было погибать Сельвину Годвину, понять было очень трудно.. До того,

Сельвина Годвина провозгласили в Америке героем, и фирма «Америкэн-моторс» даже взяла на себя заботу о его сыне Томе, еще в раннем детстве оставшемся без матери.

Он получил кое-какое образование, а когда подросток, встал к конвейеру..

Но на беду в Америке стали покупать меньше автомобилей. Был год, когда их осталось попродажным 600 тысяч штук. Кроме того, и у Форда и на заводах «Америкэн-моторс» целые линии станков и даже конвейеры начинали работать.. без людей.

Словом, Том Годвин остался за бортом..

А русские запустили первый искусственный спутник Земли..

Фирма «Америкэн-моторс» взялась делать ракеты.. не только космические, конечно.

Тому Годвину, напоминая об отце, удалось-таки устроиться. Он изучал ракеты, участвовал в их испытаниях, а когда понадобилось, извлял готовность лететь в космос и даже пройти пытку одиночеством, которая называлась испытанием. Нужно было сутками без отдыха, в полной, «вакуумной» тишине сидеть в одиночной камере модели кабины и до чертиков в глазах смотреть на стрелки приборов. А чертики появлялись, они взбирались на стрелки, строили рожи и сводили Тома с ума..

Некоторые американские психиатры считали, что космический пилот непременно должен сойти с ума..

Том Годвин надеялся на себя, и он летел в космосе один. Говорят, буддийские монахи в Гималаях добровольно замуровывают себя на несколько лет в каменный мешок, где нет ни света, ни звука.. Они остаются наедине с самими собой, отрешаясь от мира, постигая «высшее совершенство», не отвлекаясь от самосозерцания ничем.. Впрочем, может быть, это и есть сумасшествие..

Черт возьми! По сравнению с гималайским каменным мешком космос с его светлыми гвоздиками звезд не так уж-плох! Но если из каменного мешка хоть через несколько лет можно было выйти, то из космоса без топлива.. не вернуться!..

И Том Годвин затосковал.. Он затосковал вдруг по Земле, по людям, по человеческому голосу..

Тоска эта была подобна зубной боли. Том Годвин даже сжал руками щеки. Потом судорожно начал налаживать радиосвязь.

Может быть, его считают догбитым или сошедшим с ума!..

В научных записках. Это были звуки Земли. И вдруг раздался голос, человеческий голос славного парня Джона Смита!..

— Хэлло, «Колумб»! Я — Америка. У Тома Годвина даже слезы выступили на глазах. Но разве мог он доказать людям на Земле свою слабость!..

— Эй, Джон! — бодро крикнул он. — Чертовски рад услышать твой хриплый голос! Только что очутился от проклятого снадобья. Голова гудит, но кости целы. — Он знал, что его голос запишет на пластинки, их будет слушать вся Америка: в барах, на квартирах и в школах.. голос первого американца из космоса, которому надо держаться достойно. — Что там подчитали астродги, звездочеты и кибернетические машины? — весело спросил он. — Врежусь в Луну? Скорость как надо? — Все о'кей! — послышалось в наушниках.

Том Годвин отодвинулся от пульта с приборами. У него было некрасивое лицо с широко расставленными глазами, чуть простоватое, но мужественное и открытое. Он с неприязнью смотрел на одну из стрелок циферблата..

— Нет, не все «о'кей».. — медленно произнес он. — Или указатель топлива врет, как профессиональный свидетель под присягой, или.. Черт его знает, почему получился перерасход топлива. Чье-то грязное дело!.. Лишь бы сесть на лунный шарик.. А по поводу возвращения — мрачно добавил он, — памятник мне не ставьте.. Лучше забросьте на место посадки топливо.

(Продолжение следует)

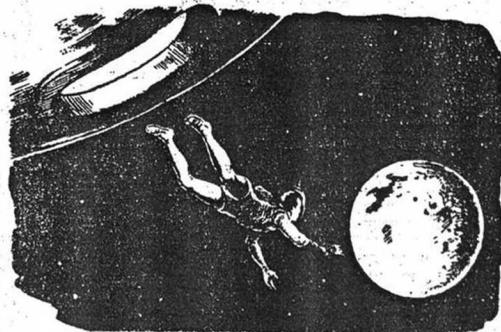

Рис. Ю. Макарова.

как попасть в злосчастную армию генерала Манартура, он работал в Детройте на автомобильном заводе «Америкэн-моторс», но остался без работы.. Вот и пошел воевать.. Он думал, что умеет это делать, набив руку еще в Африке против фашистских полчищ генерал-фельдмаршала Роммеля.

лучился перерасход топлива. Чье-то грязное дело!.. Лишь бы сесть на лунный шарик.. А по поводу возвращения — мрачно добавил он, — памятник мне не ставьте.. Лучше забросьте на место посадки топливо.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

ОН УСЛЫШАЛ какой-то шорох.

— Ох, уж эти мне помехи! — заворчал он и сдвинул наушники.

Но шорох продолжался. Годвин обернулся и вскопчил.

Глаза его округлились. Вот оно что! Все-таки правы проклятые психиатры!..

— К дьяволу! — крикнул Годвин больше для того, чтобы от звука собственного голоса прийти в себя.

Но видение не исчезло.

Перед ним в облегчающем тело скафандре с откинутым шлемом стояла миниатюрная молодая и изящная женщина с чуть сощуренными тревожными глазами и губастшей полуулыбкой на тонких устах.

— Хэллоу, Годвин! Я тоже спала при взлете, — нарочито бодро произнесла она.

— К дьяволу! — взревел, не помня себя, Годвин. — Я вышвырну тебя вон, даже если ты привидение!

— Тогда дайте закурить сигарету, — улыбулась незнакомка. — Привидения не курят.

— Тем хуже, — шипло произнес Годвин, садясь. — Духи по крайней мере не имеют веса. Но если вы женщина...

— Вы сомневаетесь в этом? — с вызывающей насмешкой спросила незнакомка.

— В вас должно быть фунтов сто... сто лирих фунтов, мэм! — тяжело сказал Годвин.

— Может быть, вы пригласите даму сесть? — сказала она, стараясь устоять отношения.

— Гм... Сесть? Мне нужно думать о том, как сесть на Луну, — неприязненно ответил Годвин. — А кабин... вернее, ракета рассчитана на одного... человекообразного...

Молодая женщина мило поморщилась.

Годвин вскопчил. На него накатились припадок ярости, что с ним иногда бывало. Он дал ей выход в том, что стал вырывать из пульта приборы. Обладая недюжинной силой, он выворотил из панели два или три, потом в бессилье опустился в кресло.

Незнакомка спокойно наблюдала за ним.

— О черт! — простонал пилот. — Разве наберешь сто фунтов! Здесь высчитаны унции...

— Что вы думаете обо мне, Годвин? — спросила незнакомка, уславившись на край пульта и покачивая ногой. — Я выдержала взлет отнюдь не в вашем удобном кресле.

— Что я думаю, мэм? — раздраженно повторил он. — О том топливе, которое переработано на вас при взлете. Как вы сюда попали?

— Сообщите на Землю. Там ждут этой сенсации.

— Слушайте, мэм, черт вас возьми! — вскрипел Годвин. — Нам никак не сесть вместе ни на Землю, ни на Луну... Топлива не хватит... Я вас не знаю... Может быть, вы славная девушка...

— Вы славный парень, Годвин. Включите радио.

— Не трогаетесь, мэм. Я даю задание кибернетической машине... Кос-какой подсчет, прежде чем... Вы сами не понимаете, в какое скверное дело вас втянула...

— Меня? — рассмеялась незнакомка. — Если бы вы знали, кто я!..

— Очень приятно познакомиться, — пробурчал Годвин.

— Эллен Кенни, Годвин... Эллен Кенни из газеты Хента «Уорлд курьер»...

— Мисс Кенни?.. Слышал. На многое способен...

— Вы так думаете, Годвин?..

ГЛАВА ВТОРАЯ Волосы Вероники

В ТАИНСТВЕННОМ мире космоса, в беспредельном просторе миллионов световых лет, к сверкающим центрам атомного кипения материи, к звездам живущим и рождающимся, гигантским или карликовым, двойным, белым, желтым, голубым, ослепительным или черным, в мир феерических комет и задуменных лун, планет црещащих или обделенных, в бездонный космос, мир мир стремится теперь уже не только взглядом человек...

Силы тяготения собрали миллионы миллионов звезд в правильные объемы, сплюснутые в одной плоскости геометрические фигуры, напоминающие колоссальные диски галактических дискоболы. Смотря ясной ночью на Млечный путь, мы видим изнутри обод такого звездного диска нашей галактики через всю его толщу. Наблюдая в сильнейший телескоп далекую спиральную туманность в созвездии Волосы Вероники, мы рассматриваем извне обод, но только другого, стоящего к нам ребром диска, чужого, бесконечно далекого звездного мира. Множество таких галактических дисков различимы в небе под самыми разными углами, в том числе и сбоку. Тогда отчетливо вырисовывается огненное колесо со спиральными спицами, поражаая строгий единообразием звездных миров.

Сила тяготения заставляет частицы материи сближаться. Неотвратимо существуют туманности космической пыли, и внезапно загораются новые звезды. Извечные катаклизмы Вселенной накаляют до миллионов градусов колоссальные массы вещества, пронизывают бесконечное пространство потоками космических лучей, порождают бесконечные формы материи, создают условия для ее самосовершенствования, венчааясь тайной тайн космоса — Жизнью, в которой Природа познает сама себя!.. Даже если исходить из условий, близких земным, жизнь может существовать на великом множестве миров бесконечных галактик. Ведь образование солнечной системы отнюдь не исключительно. Планеты, несомненно, существуют у многих звезд. Жизнь, возникнув в самых простейших формах, неуклонно развивается, стремясь к высшему совершенству — мыслящему существу.

Оно всеильно — мыслящее существо, и где-нибудь на планетной песчинке близ светлой точки спирального острова в созвездии Волосы Вероники «оно» так же оглядывает мир иных вселенных, как оглядывает их с Земли человек...

Эллен Кенни читала эти строки о космосе, и все ее существо наполнилось сладостным волнением, она ощущала себя в храме космического божества. Но она не казалась себе беспо-

мощно ничтожной. Нет!.. Она хотела быть такой же гордой, как и воображаемое мыслящее существо в созвездии Волосы Вероники, о котором писал в своей статье Петр Громов...

Волосы Вероники!..

Эллен возбужденно прошла по своей комнате с креслами на крохотных ножках и низенькими столиками, широкой тахтой, да которой можно было лежать и вдоль и поперек, и окнами, выходящими прямо в стену соседнего небоскреба, не позволяющего опустить высоты двадцать четвертого этажа. Она закинула руки за голову и одним движением распустила заложенные узлом на затылке волосы. Они волнами рассыпались по плечам. Эллен привычно трянула головой, и они пенным потоком заструились по спине. Эллен едва охватила их обеими ладонями.

Волосы космической Вероники!..

КОСМОС. В него, ощущая жуть, взволнованно смотрел русский генерал Ломоносова, смотрел, как в звездную бездну, где звездам нет счета, а бездне дня... Он так немисливо огромен, что его измеряют не мерами длины, а годами пути лучистой энергии. До одной из далеких галактик в созвездии Волосаа расстояние составляет 230 миллионов световых лет. Пока летел оттуда луч света, на Земле сменялись геологические периоды, поднимались и опускались материи, размножались и вымирали гигантские пресмыкающиеся, и, наконец, появились, неудержимо развиваясь, Человек. Космическое пространство, чрезмерное даже для воображения, оказалось доступным для его острого глаза, пытливого ума, математического анализа, железной логики, охватывается его мыслью, осознается его разумом.

Но почему же не раздален величием необъятного дерзкий человек? Ведь никогда не пересечет ему непостижимо огромных просторов космоса. Ничто в природе не может двигаться со скоростью, превышающей скорость света, и если даже мыслящий безумец найдет способ достичь этой скорости, то все равно ему лететь до далекой галактики в созвездии Волосаа 230 миллионов лет, его биологические потомки дойдут бы на улетевого предка не больше, чем человек на амебу!.. Надо пасть лишь перед потрясающей неохватностью космоса, перед ужасающей беспощадностью времени, ничтожно краткой а жалкой признать человеческую жизнь!..

Но Нет! Стоит послушать, что говорит святотец, вторгшийся в храм Вселенной. Не пугаетеся он бездонных глубин космоса, а уверенно вспоминает теорию относительности, утверждающую, что «время космонавта», летящего с огромной скоростью, будет течь медленнее, чем для наблюдателя, оставшегося на Земле, и если скорость его приблизится к скорости света, то «время космонавта» с точки зрения земного наблюдателя почти остановится... То есть на Земле пройдет год, века, а на звездолете лишь секунды и минуты... Так неужели же за реальные годы своей жизни мудрый безумец дерзновенно пересечет весь космос, по крайней мере в обзорности с Земли его части? Правда, вернувшись обратно к планете Земля, он может и не застать «древней солнечной системы», которая уже пройдет свою космическую жизнь.

Безумец или гордец?

Тем и прекрасен человек, что он горд! Если русский Петр Громов властно распахивает ворота Храма Космоса, то американка Эллен Кенни станет кричать этого храма, хотя бы ей пришлось для этого влезть в окно. Она попадет в этот храм, откуда люди шагнут на другую планету.

(Продолжение следует).

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

ДРУГАЯ ПЛАНЕТА!

Самая близкая, но отделенная более чем третьою миллионом километров межпланетного пространства неосознанных тайн; самая знакомая на ночном небосводе, но полная волшебного очарования и гипнотической силы; самая безучастная ко всему земному, но поднимающая волны наших океанов в живом движении приливов и даже гормозащаща вращение Земли до двух тысячных секунды каждый век; самая изученная астрономами, наименовавшими ее условные моря и безусловные горы, но полная необъяснимых загадок гигантских кратеров и светлых геометрических лучей; самая обозримая, но никогда не показывающая человеку оборотной своей стороны; самая родная Земле, будто оторвавшаяся от нее, оставив впадину Великого океана, и самая на нее непохожая, мертвая, безвоздушная, покрытая циклопическими цирками и островами, невыветривающимися скалами, дорогами лавы, равнинами без растений и почвы с золотыми и железными жилами прямо на поверхности.

Удивительная Луна!

Так пусть это будет не только Луна Петра Громова, Луна русских...

Эллен остановилась перед зеркалом, решительно взяла большие ножницы и, не раздумывая, обрзала за маленьким ухом прядь волос. Прядь скатилась к ее ногам, свернувшись там колючком. Эллен захватывала все новые и новые пряди и безжалостно отстригала свои чудесные волосы, они пыльным ковром ложились на пол.

Эллен, привычно щурясь; вглядывалась в зеркало, но не видела там себя. На нее чуть растерянно смотрела маленькая, незнакомая привлекательная женщина с совсем короткими волосами, «космическая Вероника»...

Эллен наклонилась и потрогала волосы на полу, нежные, пушистые. Она собрала их в горсть и прижала к лицу. Они тонко и грустно пахли. Эллен утонула в них лицом и заплакала.

Женщины часто плачут, срезав волосы. Но ведь они не помещались в скафандр... их нельзя было бы там расчесывать...

Об этом сказала Эллен сама миссис Хент, после смерти газетного короля ваявшая в свои верные руки дело мужа.

Это была худая, религиозная и энергичная дама с седыми бровями и еле слышным голосом.

Она благоволила к Эллен и охотно напечатала ее статью «Вавилонская башня» и «Нога или лапа?», надевавшие, кстати сказать, немало шуму. Она огорчалась, что мисс Кенни все еще не устроила свою жизнь и беззаботно живет одинокой молодой женщиной, привлекающей к себе взгляды мужчин.

Вскоре после опубликования статьи «Нога или лапа?» миссис Хент вызвала к себе мисс Кенни.

Эллен стерла помаду с губ, вздохнула и отправилась к высокой покровительнице.

Секретарь Сэм с лоснящимся пробром и красивым угодливым лицом успел шепнуть, что у Биг-эм (Большой мадам) что-то есть на уме.

«Очередное трудное интервью, поездка в Африку или светский скандал», — решила Эллен, сощурилась и открыла дверь.

Кабинет остался таким же, как при мистере Хенте, — совершенно пустой, из

стекла и полированного дерева. Холодные, отделанные сверкающими панелями стены, жесткая блестящая мебель, огромные матовые стекла окон и тоже матовые стеклянные, но звуконепропускаемые двери.

— Садитесь, детна, — ласково сказала миссис Хент, снимая огромные очки в тяжелой темной оправе, которые делала ее чем-то похожей на покойного Хента, седого, жилистого и привычно здорового дельца, смерть которого вызвала недоумение.

Эллен скромно села на краешек стула и опустила ресницы.

— Вы знаете, как я забочусь о вашей судьбе, Эллен, — вкрадливо начала Биг-эм. — Я не остановилась бы ни перед чем, чтобы выдвинуть вас вперед. Газеты — вот что может сделать вам всемирное имя, детна. Не просто слава или деньги, даже много денег... Нет! Поколение молодых людей у ваших ног... Что вы скажете на это, дорогая?

— А как вы думаете, эм? Это не слишком много — целое поколение?

— Для выбора? Совсем не так много. Вы стоите этого. Надеюсь, вы сумеете сделать удачный выбор, дорогая. Вы стали бы самой популярной женщиной мира.

Сердце Эллен сжалось. Она слишком все понимала, чтобы не догадаться, к чему клонит миссис Хент. Ведь где-то в глубине души Эллен и сама тайно думала об этом. Но разве можно говорить всерьез?.. Нужна специальная подготовка, огромные знания, как у Громова.

Эллен искоса посмотрела на Биг-эм.

— Газеты вышли бы трижды тройным тиражом, — продолжала та. — Весь мир следил бы за вашей судьбой, за каждым вашим шагом... Вы помните об этом парне, проводнике туристов, которого завалило в пещере? Репортеры пробирались в горы и брали у него интервью через щель между камнями. У бедняги была приделана нога, но он бодрился. Вся страна неистовствовала от интереса. Печаталось каждое слово о нем. Парень очень хотел пить... А сколько было сделано для его спасения! Вы, конечно, знаете всю эту историю?

— А что вы о ней думаете, мам?

— Жаль, что он все-таки умер. С вами совсем иное дело. Конечно, надо уметь рисковать. Но мой покойный муж говорил, что, будь он губернатором или гангстером, самые трудные дела он поручал бы вам.

— От кого же из них я получу задание? — не удержалась Эллен.

Миссис Хент нахмурилась:

— Не надо быть колючей, как кан-

тус. Мы с вами добрые христианки. Я забочусь о вас. Что будет стоить все мужчины на Луне, если там будет жепинал.

На Луне! У Эллен пробежал холодок по спине.

— Газета возьмет на себя все расходы, — откинулась на высокую и узкую спинку кресла миссис Хент.

— Сенсация принесет хороший доход, — борясь с волнением, деловито заметила Эллен.

— Не беспокойтесь, детна, вы получите свою долю. Но ваш бизнес будет куда большим. Вы сможете выйти замуж за короля или банкира, породиться с Рокфеллером, быть может... Целая эпоха будет носить ваше имя.

— Но я не умею управлять космическим кораблем. В Америке есть лишь одностаяя ракета «Колумб», «Вавилонская башня», куда можно было бы стремиться попасть репортером, не строится...

Миссис Хент горжественно подлилась, широкими шагами двинула из Армии новисания прошлась по кабинету, остановилась перед маленьким столиком и взяла в руки библию, потом положила ее на то же место, где она лежала.

— Во всяком деле нужно что-нибудь необычное, запоминающееся, — назидательно сказала она. — Не исполнительность службиста, а дерзость инициативы, вот что привлечет симпатии и интерес. Вы понаудете на космический корабль в баллоне из-под кислорода. Это правильно, ибо женщина подобно испуроду — источник жизни. Дышать будете через аппарат скафандра, как на Луне. Только вам придется отстричь волосы, у вас их слишком много, чтобы они поместились в шлеме. Нам не удалось бы их расчесывать. Впрочем, короткая стрижка считается модной. Вы согласны, детна?

— А как вы думаете?

— Я думаю, как перепробить вас на ракету. Вы, кажется, работали секретарем у бизнесмена?

— Он оказался гангстером.

— Так что вы знаете, дорогая, с кем вам придется иметь дело. Но лишь бы цель была святая, дочь моя. Каждый, кто будет помогать нам, сделает угодное богу дело. Это зачтется ему. Решайтесь, дорогая. Мне кажется, что вы из тех женщин, которые могут расстаться с волосами...

И вот «волосы Вероники» лежали у ног Эллен, а она сидела перед зеркалом, уже не плача, и долгим взглядом всматривалась в себя. Она видела перед собой ту, которая по своей воле, вопреки всем, ступит на Луну, полную тайн, волшебного очарования и гипнотической силы, ступит на Луну с ее дорогами лавы, равнинами без почвы и золотыми жилами на поверхности... Из зеркала на нее тревожно смотрела та, кто дерзко первой войдет в таинственный мир миров, мир несчетных звезд и еще более несчетных и неведомых планет, ступит на первую из них... Такого случая не было за всю историю человечества... И не будет больше никогда... Первыми бывают только однажды. Можно ли это упустить?..

(Продолжение следует).

Александр КАЗАНЦЕВ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Неумолимое уравнение

— Как вас зовут, детка? — спросил Малютка Билл.

— Вероника Лоуэлл, — сказала Элли, разглядывая анимационного гангстера, которого знала по фотографиям в журналах, правда, сама его еще никогда не фотографировала. Не так давно он угодили в тюрьму за... неуплату налога с очень значительных доходов. В тюрьме он давал интервью и вышел из нее сопровождаемый адвокатами и почитателями, как триумфатор.

Малютка Билл вовсе не был бандитом, соскочившим с обложки комикса. Он не носил мягкую шляпу на затылке, не курил сигар и не говорил на ужасном нью-йоркском жаргоне — сленге. Малютка Билл назывался Антонио Синапорелли и очень гордился своей фамилией. Ведь итальянский астроном Синапорелли первый открыл марсианские каналы! Говорят, в итальянском квартале у него жила семья: ревнивая жена и трое детей. Малютка Билл был изысканного роста, благообразен, напоминал владельца магазина, был вежлив, жесток, рано польщен, но не утратил подвижности. Конечно, он не был бандитом в обычном понимании слова. Но его бизнес, которым он занимался с большим размахом, не укладывался, мягко говоря, в обычные, допустимые рамки. Хорошо оплачиваемые юристы почти всегда могли доказать, что его действия, по существу говоря, были законными. В самом деле, что незаконного можно усмотреть в том, что Малютка Билл помогал отправиться в путешествие «без билета» какой-то Веронике Лоуэлл. Если вы подсказываете безбилетного пассажира в вагон частной железной дороги, то закон этого не карает, он предоставляет администрации дороги возможность взять с безбилетного штраф.

— Мне нужно снять с вас размеры, мисс Вероника, — сказал Малютка Билл тоном портного, принимающего заказ.

— Я вешу сто три фунта, — сказала Элли.

— Что значит сто фунтиков там, где они насчитываются десятками тысяч!

Малютка Билл не любил пустых разговоров. С заказчицей, с Большой Мамой, как ее зовут, у него особых разговоров о лишнем фунтах не было. Когда об этом зашла речь, то она сказала, что все будет так, как угодно богу, важно, чтобы читатель удовлетворился, они станут больше покупать газет. Значит, основная забота — сделать для девочки скафандр и поместить ее в баллон, с виду точно такой же, как те, которые будут грузиться в ракету. Подменить один

ны с кислородом, получила один из них в готовом виде. Он был погружен вместе со всеми в грузовик. Вернее, он уже стоял в кузове грузовика, когда тот въехал во двор завода. Приглашенный из цирка иллюзионист очень искусно скрыл его от взглядов зеркала, которое исчезало по желанию шофера. Оно и исчезло, когда баллоны начали грузить. Баллоны пересчитали, и оказалось, их было уже достаточно, напрасно хотели грузить еще один.

Грузовик благополучно выехал со двора и доставил баллоны прямо в космопорт, где грузозащитные краны тотчас поместили их в ракету «Колумба», готовящуюся к полету.

В одном из баллонов сидела Элли. Она очень страдала, но не от духоты или жары. Чужесынный космический костюм, который был на нее надет, автоматически поддерживал нормальную температуру, дыхательный аппарат работал безукоризненно. Элли могла бы уже чувствовать себя в космосе. Страдала она от другого — от темноты, от крошечной тьмы, которая ее окружала... Это было оплошностью Малютки Билла, но ее не снабдили электрическим фонариком. Элли не побоялась отправиться в космос, но темноты она боялась... Темноты и тишины... Ей бывало лучше, когда снаружи доносились звуки, грохот машин, крики людей. Но перед стартом ракеты все стихло, и это были самые страшные минуты. Предстоящего взлета Элли ждала как избавления, она знала, что перегрузка при взлете не превысит перегрузки организма при пикировании самолета, а она сама водила спортивные самолеты и проделывала на них опасные фигуры пилотажа... Кроме того, у нее была пилотажная сотоворного средства, которое должен был по инструкции принять и пилот. Взлет пройдет легко, но вот темнота и тишина...

И Элли приняла таблетку раньше, чем это было нужно для взлета. Сознание затуманилось. Она почему-то подумала о Громе. Увидела себя в спортивном зале космического института. Люди с пружинной сетки подпрыгивали высоко под потолок. Там будет на Луне... Там будет легко, совсем легко... И она провалилась в пустоту...

Сознание возвращалось постепенно. Почему-то она сначала увидела маму. Мама была жива. У нее было ласковое, озабоченное лицо, и она все время поправляла так знакомые Элли с детства очки. Потом очки исчезли, и милые близоручные глаза стали еще ласковее.

— Мама! — крикнула Элли и проснулась.

Холодный ужас объял ее... Ей показалось, что она перестала существовать. Она не ощущала себя... она ничего не видела, ничего не слышала, и она... ничего не весила... Вокруг были стенки гроба... Она коснулась их руками... И это было первым ощущением, вернувшись, наконец, ее к действительности...

Ее тело ничего не весило! Она — в космосе! Но, может быть, она погибла при взлете? Нет! Все так, как надо. Она — первая американка в межпланетном пространстве, она будет первой женщиной на Луне. Предстоит только открыть крышку баллона и... подружиться с пилотом Томом Годвином. Для настоящей женщины, какой себя Элли считала, это будет не так уж трудно...

Элли легко отвинтила крышку баллона и высунула голову. В складском отсеке «Колумба», где хранились баллоны, было темно. Элли осторожно выбралась. Вернее, держась за край баллона, она легко выпрыгнула из него и ударилась о потолок отсека.

Элли хорошо изучила план расположения помещений «Колумба», широковетельно разрекламированный в печати. Ей удалось отыскать люк в кабину пилота и открыть его. К счастью, он не был плотно задрен...

Едва отодвинула она крышку люка, как в грузовой отсек ворвался луч света.

И все страхи Элли сразу

исчезли. Цель ее достигнута. Она летит в американской ракете среди звезд, в вечном космосе! Она невесома, значит, двигатели ракеты даже не почувствовали ее веса, или он был предусмотрительно компенсирован Антонио Синапорелли...

Пилот Том Годвин спал. Действие снотворного еще не кончилось. Очевидно, он принял его позже. Он лежал огромный, в кажущемся еще более огромным кресле. Перед ним жила, двигались стредки приборов, зажигались и гасли лампочки, отражающие работу автоматов.

Но Элли не обратила на них внимания. Она была заворожена окном впереди. В нем было видно страшное спутнообразное яркое Солнце, рядом с которым на неправдоподобно черной саже неба пристально горели немигающие звезды.

А справа была Луна... Она закрывала пол-окна, походя на огромную учебную карту, объемную, с резкими тенями, заметными больше, чем неровности планеты.

Элли улыбнулась Луне. Это была «ее Луна»... Потом попыталась понять, что она в ста тысячах километров от Земли... Осознать это все равно было невозможно, и она, как в ознобе, передернула плечами.

Том Годвин шевельнулся. Элли спряталась за его спиной, ожимая, когда он проснулся.

И он проснулся... Что-то встревожило его. Он стал говорить с Землей... о топливе. Наконец он увидел Элли... Может быть, испугался, но скорее был расдосадован... Во всяком случае он не очень считался с тем, как должен говорить джентльмен. Может быть, ему не хватало воспитания. В всяком случае она старалась установить с ним хорошие отношения и призналась ему, кто она и как попала на космический корабль.

Элли сидела на краю пульты и показывала ногой. Скафандр, пожалуй, был даже элегантен. По крайней мере она выглядела в нем эффектно, откинув шлем за спину...

— Слушайте, мэм, — сказал Том Годвин, вынимая из какого-то прибора перфорированную карточку. — Понимаете ли вы, что ваш Малютка Билл вместе с мисс Хейт не позаботились о том, чтобы вес ракеты не превышал расчетного? Понимаете ли вы теперь, что ваши сто фунтов здесь лишние? — Том Годвин посмотрел Элли прямо в лицо и невольно подумал, что на Земле она показалась бы ему интересной. Он спохватился и вышитоительно добавил: — При взлете автоматы делали свое дело, набирали нужную скорость и перерасходовали на ваш лишний вес топливо, и теперь...

— Что теперь? — спокойно поинтересовалась Элли, с любопытством разглядывая обстановку кабины.

Том Годвин взглянул на перфорированную карточку.

— Вы можете находиться на борту еще 27 минут.

— Поезд подходит к станции? — чуть насмешливо спросила Элли, отлучко понимая, что выйти в космосе негде.

— Нет. В математическое уравнение приходит ваши сто лишних фунтов, и оно становится неумолимым уравнением...

— Можно закурить сигарету? — спросила Элли, тревожно вглядываясь в суровое лицо астронавта.

— На горение табака тратится кислород. А он рассчитан на одного... человекообразного... — с нарочитой жесткостью произнес пилот.

— Годвин! С вами женщина!..

— Черт возьми! В этом вся и беда! — в отчаянии стукнул кулаком по пульту пилот. — Закон космоса не делает различия между мужчинами и женщинами.

— А вы? — вызывающе бросила Элли.

— Я не закон, мэм. Я только служака. Вот радиграмма, ответ на мой рапорт о вашем появлении. — И он устал прочитал: «Выполняйте инструкции».

Элли улыбнулась. Тогда он начал говорить терпеливо, как школьнице:

— Топлива, как подсчитала вычислительная машина, не хватит, чтобы посадить на Луну двух человек, а врученная мне инструкция гласит, что всякий, незаконно оказавшийся на борту космического корабля, подлежит немедленному уничтожению... в данном случае через двадцать семь минут...

— Вы шутите, Годвин! — едва сдерживая себя, воскликнула начинающая все понимать Элли.

— Я хотел бы проснуться, мэм, — улавлившим голосом ответил Годвин.

Он с болью смотрел на молодую женщину. Он видел ужас на ее лице. Раздражение против нее сразу исчезло. Что чувствует сейчас она, бедняжка?.. Что привело ее сюда? Легкомыслие, авантюризм или отвага? Что она рассчитывала найти? Шум всемирной славы на Земле и таинственный мир покоя в космосе? Эх, девочка! Здесь нет покоя! В космосе движется все: ничтожная молекула газового облака и планетная система звезды, одинокий метеорит или медленно вращающийся, но летящий с жуткой скоростью звездный остров галактики... Здесь нет покоя, как нет пощадки или жалости! Законы космоса так же просты и ясны, как притяжение, и так же неумолимы... Энергия, скорость, вес... Лишний вес может находиться на борту еще двадцать одну минуту. Инструкции ясна, как алгебраическая формула.

Все это сбивчиво, стараясь теперь падать Элли, объяснял ей Том Годвин, космический пилот...

Он встал с кресла, усадил в него Элли, сам взволнованно ходил по тесной кабине.

— Теперь я поняла, что такое неумолимое уравнение. Спасибо, Годвин, — чужим, как-то пустым голосом произнесла она...

Да, внутри у нее была пустота, пришедшая взамен мгновенному ужасу, который холодом обжег ее. Теперь осталась только пустота.

— Слушайте, Элли. Это чертовски глупо, — сказал Годвин, в растерянности останаивываясь у кресла.

— Глупо, Том. Очень глупо, — послушно согласилась она.

Они впервые назвали друг друга по имени. Это произошло само собой, непроизвольно и просто.

— И вы так спокойны? — спросил Годвин.

— Нет, Годвин. Нет, Том... Я не спокойна... — не меняя голоса, но доверительно сказала Элли.

— Вы настоящая девушка! — воскликнул Годвин и отвернулся к окну.

— Сколько осталось минут? — доносило до него усталый голос Элли.

— Тринадцать, — сказал он, боясь обернуться.

— Она сдержит свое слово, — в раздумье говорила Элли. — Моя яма будет набрана только крупным шрифтом. Газеты выйдут тройным тиражом...

— Все Хейты подлец! — в бешенстве крикнул Годвин.

Элли потянулась к нему:

— Годвин! Для меня вы — весь мир, который я покидаю.

Годвин почувствовал в этих словах столько искренности, отчаяния и в то же время силы, что мог только промолчать: — Да, мэм, но...

Потом она откинулась на спинку кресла и сказала с горькой иронией:

— А я всегда говорила, прощайся: «Может быть, увидимся»...

(Продолжение следует)

Рис. Ю. МАКАРОВА.

из них будет не так уж трудно. Кто заметит, что у него отвинчивается изнутри крышка? Вероника Лоуэлл! Это имя, пожалуй, в самом деле станет знаменитым...

Малютка Билл в своем бизнесе считал себя вполне добросовестным. Баллон переделывали хорошие инженеры. В нем было устроено сиденье немногим хуже, чем кресло пилота. Всякие там пружинные амортизаторы, смягчающие толчок взлета, и прочие премудрости были предусмотрены. Баллон «с содержимым» получился, конечно, тяжелее других, но на руках его никто таскать не будет, а машины лишнего груза и не почувствуют...

Расчет Малютки Билла был абсолютно точен. Фирма, поставившая балло-

Александр КАЗАНЦЕВ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Искатель

— Ну, как? Уплетет на Луну? — глухо спросил командир «Искателя».

— Проверю ответ, — отозвался Аннин.

Громов подошел к окну. Магнитные подошвы ботинок, прилипая к полу, позволяли ходить по кабине и при невесомости.

В окне виднелось красноватое, как на закате, солнце. Если бы не огненная корона на черном небе, оно было бы совсем земным. Громов нажал кнопку. Пленка светофильтра сбежала с окна. Ворвались ослепительные лучи космического светила, но живоительно ласковые, смягченные атмосферой, как на Земле, а яростно резкие, жесткие...

Анинин, не поворачивая к командиру лица, чтобы не смотреть на солнце и не встречаться с Громовым глазами, сказал:

— Никуда и никогда не упадет. Станет вечным спутником Луны. Орбита — вытянутый эллипс. Пройдет над лунными горами и уйдет далеко к Солнцу...

Из репродуктора послышалась бас академичка Белоусова, начальница штаба перелета:

— Искатель! Искатель! Я—Земля! Громов сел к пультам и пододвинул к себе микрофон:

— Я—Громов. Слушаю, Василий Афанасьевич.

— Определили орбиту?

— Станет спутником Луны. Кто этот несчастный?

— На борту «Колумба» оказалась журналистка Элен Кенни.

— Элен Кенни! Она же была у нас!.. Называла нас лунатиками...

— Американский пилот Том Годвин получил приказ выполнить инструкцию и уничтожить незаконного пассажира.

Громов перевел взгляд на экран. Скафандр по-прежнему был опрокинут ногами вверх и медленно поворачивался. Его раскинутые руки уходили за край экрана, но колпак шлема был отчетливо виден в его нижней части.

— Если бы он уничтожил ее, он не надел бы на нее шлема, — сказал Громов. — Что это? Жесткая попытка временем или надежда на нашу помощь?

— Оказать помощь можете, если вам позволят резервы топлива. Решение за вами, Петр Сергеевич, — закончил академик.

— Ваня! — позвал Громов, выключив связь.

— Есть дать ведомость резервов, — угадал приказание Аннинин.

Продолжение. Начало см. в номерах от 13, 16, 20 и 23 декабря 1959 г.

Громов встал к окну, уперся руками в его раму. Перед ним были острые гребни кольцевых гор, черные резкие тени, извилистые трещины, дикий, контрастный ландшафт... Желанная планета...

Анинин пододвинул Громову контрольную книгу.

— Задавай программу электронно-вычислительной машине выбросить все, что возможно, — скомадовал Громов. — На борту нас будет трое...

Сравнительно недалеко от «Искателя» шел второй такой же корабль «Искатель-II». Вместо кабины звездолетчиков на нем помещалась танкетка Евгения Громова.

А в Москве, в лаборатории космического института внутри макета летящей в космос танкетки сидел Евгений Громов. В окнах-телеэкранах он видел небо мрака с мертвыми огнями звезд и ослепительным спрутмом Солнца, надвигающегося Луну дырков и теней. Со штабом перелета он поддерживал связь через обычный телефон, перенесенный из лаборатории. Раздался звонок, и Евгений снял трубку:

— Слушаю, Василий Афанасьевич. Не может быть! Это невероятно!.. Позвольте, я оставляю управлять ракетой Наташу, сам забегу к вам... Хорошо. Остаюсь... Будет исполнено.

Евгений открыл дверцу планета танкетки.

— Наташа! — громко крикнул Евгений.

— Ты слышишь, что творится?..

— Я здесь, Женя. — Наташа выбежала из соседней комнаты. Порывистая, она остановилась перед дверцей, тяжело дыша.

— Нам приказано изменить место посадки... — сказал Евгений. — Мест рядом с «Колумбом», где бы тот ни опустился. Что там стряслось?

— С «Колумбом» потеряна связь. В космосе — женщина... — выпалила Наташа.

— Какая женщина? Что за чепуха!..

— Тебя не отрывали, Женя, пока ты вел ракету. Тому Годвину приказали выбросить женщину, журналистку Элен Кенни.

— Как же она там оказалась?.. Погибнуть так нелепо!..

— Из-за нее еще могут погибнуть Петр и Ваня Аннинин, — с тоской сказала Наташа. — Они пойдут на пересечение с ее орбитой!..

— Ах, вот как!.. Так мне спускаться около ракеты Годвина! Ну, хорошо же!.. У меня будет с ним мужской разговор!..

— Женя, будь осторожен. Танкетка может еще очень понадобиться. Для Петра... — тихо добавила Наташа.

Евгений захлопнул дверцу макета...

Громов выжидающе повернулся к Аннинину. Рубленые черты его лица стали резче. Казалось, — он уже знает ответ...

— Математика — точная наука. — смущенно сказал Аннинин и протянул командиру перфорированную карточку.

— Если пойдем догонять — резерва топлива не хватит... На Землю уже всем троим не вернуться...

Громов поморщился:

— Читаешь, как смертный приговор.

— Так это и есть приговор. Ей или нам всем.

Лицо Громова окаменело.

— Высший суд математик... Нет, ведь есть еще Советь и Долг!.. Меняем курс. Пересечем ее орбиту!.. Приготовься!

— Петр Сергеевич! — Аннинин вскоцил. — Не могу я... Инструкция... Земля!..

— Прекрати. — отрезал Громов. — Если человек за бортом, капитан не запрашивает порт.

Громов сел за пульт управления. Аннинин почувствовал, что его прижало к сиденью, тело налилось свинцом, в глазах потемнело... Заработали двигатели, меняя курс, выводя ракету на новую орбиту, расхода топлива невосполнимое топливо...

Анинин сидел хмурый.

— Так держать! — повторил он и мрачно добавил: — А как вернемся... втроем-то?

Громов надевал скафандр. Он внушительно сказал:

— Сначала выполни долг человека...

Громов надел космический костюм с откинутым за спину колпаком шлема. Он следил за экраном локатора и все время уменьшал увеличение, потому что скафандр рос, не уместаясь на экране. Летя к точке пересечения орбит, он приближался к «Искателю».

Время текло бесконечно медленно, но настал, наконец, миг, когда Громов выключил локатор. Экран потух. Одинокий скафандр был виден меж звезд через окно. Он летел ногами вперед...

Анинин включил дозы торможения, уравнивая скорости.

Громов взял ракетницу, напоминающую дульный пистолет, и молча пожал Аннинину руку. Но тот вскоцил и обнял командира.

Громов вошел в воздушный шлюз. Анинин запер за ним дверь, включил насосы, перекачавшие воздух из шлюза в кабину.

Перед самым лицом Громова, прикритого прозрачным колпаком, двиталась стрелка манометра. Она дошла до

красной черты. Наружный люк сам собой открылся.

Перед Громовым был черный беспредельный простор миллионов световых лет, сверкающих центров атомного кипения материи, звезд горящих и рождающихся, планет цветущих, выжженных или обледенелых, бездонный мир миров, в котором человек ничтожнее песчинки...

Озвон прошел по спине у Громова. Магнитные подошвы приросли к металлу «Иска-

теля».

Но Громов шагнул все-таки вперед, оттолкнулся ногой и почувствовал, что летит в пустоте... Мир звезд закрутился перед ним огненным колесом.

Пока Громов был в ракете, он находился в окружении знакомых вещей, с ним был Ваня, а здесь... Громов закурил трубу и почувствовал соленый вкус во рту. Очень трудно было повернуться... На Земле он тренировался в затянках прыжках с парашютом, но сейчас земные навыки исчезли. Тело его при прыжке получило вращение, с которым, казалось, невозможно было справиться.

Собственно, «он не ощущал вращения. Вращался вокруг него небосвод. Когда он прижимал к себе руки, косматое Солнце превращалось в огненный круг, а звезды исчезали в сетке светлых нитей... Носился вокруг него по кругу и скафандр, цель его, путешественника и ракета, которую он только что оставил.

Громов нацелился в «Искатель», нажал спусковой курок ракетницы, и тотчас корабль понесся уже не по кругу, а по развернутой ошейе спирали, он стал удаляться, словно Аннинин решил бросить командира в межзвездной пустоте...

Одинокий же скафандр тоже по спирали стал приближаться. Человек в нем, очевидно, уже давно потерял сознание, если вообще был жив...

Используя как внешнюю силу легкую отдачу ракетницы, Громову, наконец, удалось остановить свое вращение. Звезды, Солнце, ракетный корабль и скафандр остановились, тревожно замерли. Двигались только Громов. Приближаясь к скафандру, он старался разглядеть в шлеме лицо межзвездного скитальца, но пришлось смотреть почти прямо на Солнце, и оно слепило.

Наконец Громов налетел на скафандр, крепко обхватил его и почувствовал, что начал снова вращаться, но теперь уже вдвоем.

Анинин с волнением наблюдал за маневром командира. Два скафандра сначала вращались, как в борьбе, потом замерли в дружном объятии.

— Петр Сергеевич, жива ли она? — спросил Аннинин по радио. Ему вдруг стало страшно от мысли, что Громов оттолкнет сейчас от себя труп и вернется на корабль один.

Но Громов крепко обнимал скафандр.

— Приготовь напьющийся спирт, — послышался его голос из репродуктора.

Громову не сразу удалось добраться до люка. Он ударился о корпус ракеты, ближе к хвостовым дозам. Пот заливал ему глаза, казалось, что они полны слез... Может быть, это так и было...

Хватаясь одной рукой за наружные скобы, другой держа спасенного, он достиг, наконец, люка шлюза. Он был открыт, ждал его. Громов ступил в него почти как домой...

Анинин не мог побороть дрожь, смотря на стрелку манометра. Наконец, она показала, что давление в шлюзе и кабине одинаково, и дверь открылась.

В кабину медленно вылился чужой скафандр с невесомым телом человека.

Анинин принял его на руки и заглянул в прозрачный шлем. Какова она, бывавшая меж звезд?..

Глаза Аннинина широко открылись. Громов откидывал колпак шлема спасенного.

Звездолетчики рассматривали некрасивое лицо с тлжельды четинистым подбородком, широко расставленными глазами и неожиданно смешной ямочкой на правой щеке...

Том Годвин!..

— Да... человек! — протянул Аннинин.

— Он решил по-своему неумолимо уравнение, — сказал Громов, — как не пришло в голову его хозяевам. Они считали космос жестоким и всеслепным а этот простой американский парень...

— Настоящий парень... Этот не стал бы вам мешать...

— Нашатырь!.. Растирай как слез дует... Теперь забота о ней, о мисс Кенни. Надеюсь, он включил автомат спуска.

Звездолетчики растегнули скафандр американца, растерли его грудь, дали понюхать нашатырного спирта.

Американский пилот вздохнул, открыл глаза, зажмурил их, словно боясь проснуться, наконец снова открыл и улыбнулся.

— Русские, — прошептал он.

— Будем жить! — сказал Громов по-английски, потрепав американца по плечу, и добавил: — Вместе.

(Продолжение следует).

Отлученная Эллен улетела только потому, что успела надеть перед посадкой коляк шлема на голову. Удар о потолок кабины пришелся по коляку и передался на плечи.

Все же сотрясение было очень сильным. Перекачиваясь по кабине, Эллен несколько раз ударилась головой о стенки шлема и почувствовала, что проваливается в лунную тень...

Неизменен лунный мир. Недвижны даже тени. Казалось, ночь никогда не сменит ослепительно жуткий день...

По крайней мере, за то время, пока Эллен была без сознания, тени, если и передвинулись, то неощутимо. Можно было подумать, что Эллен очулась через несколько минут, а не через несколько часов... Сутки на Луне равны земному месяцу...

Сознание возвращалось постепенно. Все плыло перед взором. Свод потолка, ночное небо в проеме...

Где она? Сквозь слезы помутнел сводчатый потолок, превратился в зеркало, в которое смотрелась космическая Вероника, отстригая себе пряди волос...

Волосы Вероники! Планетная песчинка где-то в глубинах созвездия... и ужас перед необъятностью космоса.

Эллен приподнялась на локте и осмотрелась.

В окна заглядывали яркие на солнце в тени черные, острые камни, незакругленные, словно недавно расколотые... И всюду камни, один камини...

Есть ли что-нибудь на Луне, кроме камней?

На Луне!.. Никакой гордости не ощущала Эллен, достигшая другой планеты, ничего, кроме боли, усталости и ужаса,

Что если среди этих камней живут неведомые чудовища? Что если напрасно принес себя в жертву отважный пилот Том Годвин?

Краска стыда залила лицо Эллен. Она даже не сообщила о его подвиге на Землю.

Репродуктор свисал на обрывках проводов у Эллен над головой. Битые стекла циферблатов засыпали окашующуюсь внизу стеньку. Там же валялся несчастный дамский пистолет Эллен...

Эллен попробовала встать. Голова кружилась. Хотелось вытереть платком лицо, но снять шлем было страшно. Кабина могла быть повреждена, воздух — выйти наружу!

Но какая страшная тишина! небытия вокруг!

Эллен вздрогнула и замерла...

Конечно, это уже галлюцинация слуха. В тишине бьются свои миражи, как в пустыне...

И снова она услышала продирающий по коже, скрежещущий звук.

Эллен отвернулась от окна, заслоненного острыми скалами, и едва не вскрикнула от ужаса.

В противоположном окне она увидела страшную ногтистую лапу...

Холод пробежал по спине и прояснил голову.

Не спуская глаз со скрежещущей по металлу лапы, она подняла револьвер. Одну за другой выпускала она пули в лапу, но все они отскакивали от стекла-брони, рассчитанного на встречи с мелкими метеоритами.

В отчаяние отбросила Эллен револьвер.

Лапа исчезла.

(Продолжение следует).

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

ГЛАВА ПЯТАЯ Лапа

Над сверкающими в лучах солнца скалами в черном звездном небе появилась хвост кометы.

Комета быстро росла, проходя одно созвездие за другим. Она летела к Луне хвостом вперед.

Совершенно беззвучно, без всякого грохота вырывались из дюз раскаленные газы, торжоза снижающийся космический корабль.

Могло показаться, что кинолента с занесенным взлетом ракеты запущена сейчас в обратную сторону. Все медленнее падало, наконец, почти повисло над скалами серебристое тело. Огненный дуч уперся в камни, сдул с них вековую пыль. Клубы дыма и пыли впервые за многие лунные века расплылись внизу...

На серое облако, как на мягкую подушку, осторожно садился космический снаряд. В нижней части аппарата появились три металлических лапы, раскрытые дымом.

В настороженной тишине одна из лап оперлась о лунную скалу, словно осуществляла впервые в космосе межпланетное «рукопожатие».

Потом коснулась лунного камня и вторая лапа, а третья...

Третья лапа повисла над обрывом.

Ощутив опору первой лапы, послушные автоматы в тупой исполнительности выключили дюзы. Исчезло пламя, но продолжал еще клубиться дым...

Серебристый каплевидный гигант стал крениться... Беспомощным движением слепца искала протянутая лапа опору. Под нею была пропасть...

Опасно накренился межпланетный корабль, но никто не выправил ошибку автоматов, не включил дюзы, не предотвратил падения.

В немом ужасе застыла у окна единственная пассажирка корабля, так и не пришедшая в себя после исчезновения пилота...

Пилот исчез, зайдя ей за спину, когда она сидела в кресле, закинув назад голову, готовая к удару в висок или выстрелу из револьвера, который она сама же вынула из сумочки и положила на пульт. Этой иррегулярно она хотела устрашить космического пилота, теперь исполнителя закона космоса, закона жестокого, неотвратимого...

С горькой иронией она сказала: — А я говорила: «может быть, увидимся...».

Никогда он не увидит ее, никогда... Но истинный смысл этого она поняла, лишь заметив на пульте записку: «Включил автоматы спуска и сигнал бедствия. Бог да поможет вам, Эль, на Луне. Том».

И больше ни слова. Он ушел, уступив ей жизнь и место в ракете, которая расчетливо снижалась теперь над лунной пустыней.

Том Годвин по-своему решил неумолимое уравнение, а маленькая Эллен Ненни вдруг в холодном ознобе ощутила, что она совершенно одна в космосе, беспомощная и обреченная...

Она сидела в кресле пилота, сжав виски ладонями. В репродукторе слышалось имя Тома Годвина. Его вызывали с Земли. Очевидно, он ничего не сказал о своем решении, о своем поступке... Эллен не отвечала. Ей казалось кощунством отозваться вместо Тома Годвина, заставить людей на Земле содрогнуться при звуке ее голоса...

Луна приближалась. Эллен летела уже не в космосе, а над гигантской, распростершейся под нею страной острых гор.

Ракета сама собой поворачивалась, лунные хребты были теперь под каabinой пилота, но поверхность планеты все равно была видна в боковые окна... Горизонт казался огромным, но четким, не расплывался в дымке, как на Земле... Все ближе были лунные скалы.

С болью обреченности воспринимала

Эллен никогда никем не виденный пейзаж, жадно впитывала каждую его деталь... Ах, если бы она могла его описать!.. Но этого никогда не будет... И все же...

Как поражали эти дикие скалы, сверкавшие платиной на фоне... черного звездного неба! Раскаленные разжимом солнцем, они возвышались над пепельно-серой равниной, крутые, отвесные, как грозные берега взбешенного моря. Но море здесь было твердым, каменным, мертвым, засыпанным тысячелетней пылью. Трещины, широкие и пивлистые, с острыми краями пропастей, там и тут разрывали его. Резкие тени гор были крошечной тьмой среди белого дня. Они поглощали часть равнины, выглядела провалами в бездну...

В мире без полутонов и полутопей, где нет рассеянного в воздухе света, все, что под солнцем, — ослепительно, что не освещено, — невидимо.

Платиновые скалы резко, без уступов, уходили в высь, превращаясь в горный хребет, зубцами закрывший горизонт. В противоположной горам стороне он был удивительно близким и выпуклым, как огромный холм.

И, конечно, ни кустика, ни травинки не увидела Эллен вокруг. Здесь ничто не росло... И здесь не было движения. Ни один камешек не скатывался с крутых склонов, ветер не тревожил пыльный налет, не вздымал слежавшиеся хлопья, не гнал их облачком над камнями. Полная и безусловная тишина вечно стояла там, где не было звуков и не было ветра, более того, не было воздуха, который передал бы звук, не было дыхания и всего, что дышит, не было жизни... И само время, казалось, не властно было что-либо изменить в неизменном лунном мире, где ничто не начиналось и не кончалось, где все уже кончилось...

И все же он был странно красив, этот мрачный лунный мир, первозданно дикий, ничем не тронутый — ни ветром, ни временем, оттапливающее страшный и притягательно таинственный...

Эллен ощутила крен корабля. Мелькнуло вверх черное небо космоса, наклонились готовые рухнуть на Эллен лунные скалы.

Она судорожно вцепилась в ручки кресла, пол кабины уходил из-под ног... Потом все завертелось. Приборы пульты оказались над Эллен. Разжалась ее руки, она вывалилась из кресла, ударилась о потолок, который был теперь внизу.

Серебристая ракета с надписью «Колумб» сорвалась в пропасть... Она задела вала выступы обрыва, подпрыгивала на них и скатывалась все ниже, изуродованная, с вмятинами, потеряв усю антенн, обломов посадочные лапы.

Будь это на Земле, от аппарата давно ничего не осталось бы, но здесь, на Луне, где тяжесть была в шесть раз меньше, соответственно медленнее набиралась скорость падения... И только на Луне мог задержаться на незаметном выступе корабль, повиснув над пропастью...

МОЖЕТ БЫТЬ, все это лишь почувствовал ей? На Луне не может быть ничего живого...

Но лапа, опровергая все земные гипотезы, снова появилась в окне. На этот раз она держала огромный камень, который на Земле мог бы поднять лишь мощный подъемный кран.

Эллен отступила, прижалась спиной к противоположной стенке. Она не верила глазам. Она поняла, что это концы, сдвинула брови, закусила тонкие губы.

Страшный стук и звон сотрясли кабину. Лапа с неистовым усилием била глыбой по стеклу.

На Луне меньше, чем на Земле, вес, но сила инерции та же самая, она зависит лишь от массы и скорости ее движения...

Чудовищная лапа с сокрушительной силой ударила глыбой по окну.

Стекло выдержало, но рама окна подалась.

С грохотом влетела она в кабину.

Эллен стояла окаменевшая, готовая к борьбе...

В образовавшийся проем проснулись две лапы. Они шарили по кабине, приближаясь к несчастной Эллен.

Все ближе были растопыренные костистые пальцы... Да, да! Пальцы!.. «Значит, у них здесь на Луне тоже пальцы!» — мелькнуло в мозгу Эллен, словно это могло бы иметь сейчас хоть какое-то значение.

Пальцы коснулись Эллен. Они сжали тисценой вырывающуюся Эллен и выволокли ее через проем выбитого окна наружу, на поверхность Луны...

Поднятая высоко над камнями Эллен успела увидеть, как «Колумб», потеряв равновесие, качнулся и сорвался в пропасть. На выступе обрыва космический корабль подпрыгнул и исчез в крошечной тьме грещины...

С ним было все кончено.

ГЛАВА ШЕСТАЯ Мираж и Селена

ГАЗЕТЫ вышли трижды тройным тиражом. Особенно преуспела «Уорлд курьер», специальная корреспондентка которой стала космической героиней.

Продолжение. Начало см. в номерах от 13. 14, 20, 23, 27 декабря 1959 г. и 6 января 1960 г.

Александр КАЗАНЦЕВ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Не было семьи на Земле, где не считали бы своими близкими лунных путешественников, где не тревожились бы о них. Специальные бюллетени ежедневно сообщали о движении ракет.

Из сообщения ТАСС мир узнал об уходе «Искателя» в сторону от Луны и спасении американского звездного пилота Тома Годвина.

Президент США прислал правительству СССР телеграмму сердечной благодарности от имени всех американцев.

Об Эллен Кенни ничего не было известно. Ее портреты, напечатанные в миллионах экземпляров, все до последнего были вырезаны читателями газет, спрятаны в бумажники, сумочки, наклеены в тетради, альбомы, приколоты на стенках...

Маденькая американка, щурясь, улыбалась людям Земли...

ЭЛЛЕН зажмурилась. У нее не хватало силы открыть глаза. Сейчас когти начнут рвать ее тело. Если бы сбросить шлем, покончить все разом!.. Но страшные, жесткие лапы держали крепко.

Она почувствовала, что ее осторожно поставили на камни... и отпустили.

Глаза открылись.

Лунные скалы, свет и гень, черное небо, косматое Солнце, звезды Нет!.. Ничего этого она не замечала. Перед

ней стояла знакомая танкетка, а в ней за стеклом кабины сидел земной, близкий, встревоженно улыбающийся Евгений Громов в голубой тенниске с короткими рукавами...

Эллен свихоз слезы улыбнулась молодому Громову, ничего не понимая.

— Да! А лапы? — спохватилась она.

Они лежали, огромные, металлические, у ее ног. Боже! Да ведь это же манипулятор, механические руки, которыми была оборудована предназначавшаяся для Луны танкетка. Ими управляет этот юноша изнутри...

— Мисс Кенни! — услышала Эллен в шлемофоне. — У вас включено радио? Как это получилось?.. Я искал «Колумб», но рассчитывал на мужской разговор.

— Оказывается, я совсем не понимала мужчин! — борсь с рыданием, воскликнула Эллен. — Когда мы с вами вернемся на Землю...

Громов смуглялся:

— Мисс Кенни, я первый встречу вас на Земле...

Эллен поблдедела. Она вдруг поняла все, вспомнила... Этой танкеткой управляют с Земли. Никакого ее спасителя нет на Луне, он находится на Земле, в корпусе Космического института* на липовой аллее. А здесь... в этом чудном страшном мире среди нависших скал и

бездонной тьмы провалов, здесь она одна...

И она рванулась вперед, прижалась к металлу земной машины.

— Я с вами, мисс Кенни... с вами, — твердил Евгений.

— Вы правда со мной? — прошептала она. — Я так испугалась... этих лап... А сейчас еще страшнее... Можно мне к вам?

— Конечно. Забирайтесь на корпус танкетки. Я помогу манипулятором. Можно?

— Да. Теперь можно...

— «Искатель» пошел спасать человека в космосе...

— Как? Его можно спасти? Боже! Вы можете запросить о нем Землю? Ах, да!.. Вы же ведь сами на Земле!..

СИГНАЛЬНАЯ лампочка — замигала на пульте «Искателя».

— Внимание! Вызывает Земля! — крикнул Аннин.

Петр Громов и американец Годвин, стоявшие у окна кабины, повернулись к пульту.

— Это Евгений. Он разыскал «Колумб» между Озером Снов и Заливом Мертвых. Он выручил девушку из неприятности. Пляши, Том!

— Можно было бы выбрать более приятные названия, — ворчливо отозвался Годвин, тисцено стараясь скрыть радость.

— Вы хотели сесть за рули, Годвин, — позвал Громов. — Выводите корабль на вычисленную орбиту. К сожалению, не придется облететь Луну...

— Спасибо за честь, командор. Когда не хотел быть пассажиром. Теперь я спокоен за девочку. А что касается другого лунного полшария, то нам и на этом деле найдется. Луна — планета сокровищ. Надо только нагнуться. Я сумею вам хорошо заплатить, командор. Спасательная экспедиция, топливо — все за мой счет.

Американец говорил совершенно серьезно. Петр Громов сдержал улыбку и промолчал. Но Аннин лукаво спросил:

— А у тебя много на банковском счете, приятель?

— Пока только тридцать пять прожитых лет, — ответил Годвин.

ТАНКЕТКА двигалась под отвесными скалами. На серо-пепельной равнине застывшими волнами поднимались длинные гряды камней. Пепел не удержался на острых гребнях, и они, беловатые, издали напоминали барашки, с которых морской ветер срывает брытки...

За танкеткой тянулся след гусениц. Они отпечатались в пепле, оттененные черной, как сажа, крошкой.

Танкетку трясло и бросало. Ровное каменное море оказалось «бурным»... Эллен не удержалась бы на кузове, если бы ее не полуболила, заболтливо поддерживая, механическая рука манипулятора.

Эллен переводила взгляд с бело-черных лунных красок на мягкий голубовато-лаковый тон панели, видимой через прозрачную полусферу, на пластмассовые ручки слововой кости, на ткань тенниски, на волосы Евгения, отливавшие на солнце...

Эллен поджала ноги и сказала, смотря вниз:

— Древние в горе посыпали пеплом голову. Здесь в пепле целая планета.

Танкетка остановилась. Вторая рука манипулятора протянулась к следу гусеницы и подобрала блестящий в колесе камешек. Железные пальцы осторожно протянули находку Эллен.

— Ой! Какая прелесть! — воскликнула она.

— Для вас, мисс Кенни. Первый лунный камень.

— Как вы думаете, я буду хранить его всю жизнь? — с милым лукавством спросила Эллен. В ее руке мерцал алый огонек.

— Я совсем не знаю вас, — смеялся Громов.

— А вам этого хочется?

— Воюет, что сюрпризов в вас не меньше, чем на Луне, — нацелся Евгений и добавил: — Эллен — по-русски Елена. Можно мне называть вас... Селена?

Эллен посмотрела вверх, где сверкали в солнечных лучах верхушки скал:

— Селене — по-гречески Луна. Мне это нравится. А вы... ведь не вы... толь-

ко ваше изображение... Я называю вас мой Мираж.

Эллен задумчиво перебирала огромные железные пальцы поддерживавшего ее манипулятора. Устройство было таково, что каждый железный палец был связан с пальцем Евгения, малейшее движение руки Евгения тотчас передавалось могучим стальным мышцам манипулятора. Но и Евгений сейчас чувствовал, как один за другим сгибались его пальцы.

— Как ярко здесь! — сказала Эллен, с восхищением озираясь вокруг.

— Не только ярко, но и жарко, — чуть взволнованно отозвался Евгений. — Выше ста градусов.

— Мне прохладно, — беспечно отозвалась Эллен.

— На вас хороший костюм.

— Вы находите?

— В вашем костюме полупроводники двух родов. Одни, нагреваясь, дают электрический ток, а другие под влиянием этого тока охлаждают ваш костюм.

— Как много надо знать, когда быти на Луне, — вздохнула Эллен. — Я без вас уже не могу здесь... Ой! Что это?

Танкетка выехала из-за скалы, и в звездном небе появился огромный полукруглый диск, ярко сияющий светом, во много раз больше Солнца.

— Это наша Земля, — сказал Евгений.

— Земля? Боже! И вы там?

— Да. Я здесь, — виновато признался Евгений.

— Я не верю, мой Мираж. Вы со мной, — упрямо сказала Эллен. — Вы со мной... А там, — и сразу изменился ее голос, стал жестким. — Там — мисс Хент, газеты, гангстеры, бизнес... Между нами — неумолчное уравнение. Оставайтесь, я хочу смотреть на Землю отсюда, с лунной высоты. Дайте вашу руку.

(Продолжение следует).

ЭЛЛЕН соскочила с танкетки и запрокинула голову, держа пальцы манипулятора в своей руке. Евгений ощущал ее пожатие.

— Неумолимое уравнение? — переспросил он.

— О да! — глаза у Эллен сузились. — Миссис Хент, оканчивается, прекрасный математик. В ее уравнении с одной стороны бизнес, с другой — подлость. В большом бизнесе чьи-то сто фунтов живого тела не играют никакой роли. Я плохо разбираюсь в этой «математике»... Мастер Громов, не могли бы вы оказать услугу — передать мою корреспонденцию с Луны?

— Миссис Хент?

— Нет, о ней. Кому-нибудь другому. Например... О да! «Юманите!» Или «Комсомольской правде!» Это будет восхитительное решение уравнения. О'кай! У меня очень злые глаза? Вы согласны?

— Я передам ваше сообщение. Но сейчас нам надо брать за работу, выложите опознавательный знак для посадки «Искателя».

— Хорошо! — согласилась Эллен. — На Луне даже женщина очень сильна. Будем вращать камни!

И маленькая Эллен схватила огромный камень. Казалось неистощимым, что она подняла его и держит над головой, такая маленькая и слабая.

— Да, да! Вот так! — подхватил Евгений.

Руки манипулятора подняли еще больший камень и, страхнув с него пыль, положили его рядом с камнем, который бросила Эллен.

Это была спорная, веселая работа. Эллен забыла, где она находится. Она наслаждалась своей невиданной силой, способностью перебрасывать огромные каменные глыбы. Она звонко смеялась.

— Эй! Живей! Живей! — кричала она. — Я никогда не думала, что стану тяжелоатлетом.

— Вы здесь веселите в шесть раз меньше, чем на Земле!

Танкетка ловко маневрировала. Ее стальные руки подбрасывали камни, и пыль с них вздымалась долго не оседающая облаком. Эллен едва различала танкетку в пыльном тумане.

— Мне даже хочется чихнуть. — смеялась она. — Здесь тысячелетиями не стирали пыль.

Постепенно стал вырисовываться традиционный Т-образный знак, какой выкладывают для самолетов. Он был уложен из камней, с которых «страхнули» пыль, и потому был другого цвета, чем пепельная равнина.

— Как красиво! — радовалась Эллен, смотря на темно-гранатовые камни.

— А я думала, что на Луне все серо.

— Подождите, мы ее еще выметем! — пообещал Евгений.

Эллен оглянулась и вдруг заметила, что изображение в окнах танкетки стало бледнее, полусфера потускнела, стала непрозрачной, молочно-стеклянной; холодной, мертвой...

— Евгений исчез.

У Эллен захватило дух. С ужасом посмотрела она вокруг.

Она осталась на Луне одна.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Лунный удар

ЕВГЕНИЙ Громов был первым человеком Земли, который увидел Луну с ее поверхности.

«Искатель-II» в последний раз качнулся, лег на лунные камни и замер. Сердце у Евгения бешено колотилось, лоб стал влажным, руки на рычагах управления дрожали, глаза старались хоть что-нибудь рассмотреть за окнами танкетки. Но ракета опустилась в облако поднятого ею пепла, и туман тысячелетней лунной пыли окутал танкетку мглой.

Евгению после того, как он доложил по телефону о благополучном спуске, еще долго пришлось ждать, прежде чем в окнах танкетки стали проступать сначала мутные, потом все более резкие очертания острых лунных скал. На Луне все так медленно падает!..

Но вот они, лунные камни, до которых можно дотронуться рукой! Вот он, лунный океан, поразительно близкий,

выпуклый, как край огромного цирка!.. Вот оно, каменное море, изрезанное застывшими молниями трещин!..

Евгений готов был кричать от радости, выскочить из макета танкетки, расцеловать Наташу, сказать по лабораториям в диком танце. Но он не чувствовал себя больше на Земле. Даже рассердился на заглянувшую было к нему Наташу. Цветное, стереоскопическое изображение в окнах-телеэкранах создавало такую иллюзию, что Евгений полностью ощущал себя на Луне. Он не устоял от соблазна и протянул обнаженную руку — он был в тенниске с короткими рукавами. Огромная железная рука манипулятора послушно повторила его движение и дотронулась до ближней скалы. Евгений ощутил пальцами ее твердость.

В этом прикосновении было торжество человеческой мысли, торжество земной техники, торжество неумной дерзости человека.

Глаза у Евгения стали влажными. Он принялся насыпать железными руками большую грудку камней на месте первого спуска земного космического корабля.

«Искатель-II» лежал на боку. Он оперся сначала о камни лапами танкетки, которые постепенно согнулись и плавно положили корабль так, чтобы танкетка могла из него вытолкнуться.

Евгений нажал рычаги, и танкетка, припадая на заднюю часть гусениц, рывком выскочила из космической кабины. Она стала резвиться на лунных камнях, как выпущенный на волю звереныш. Могучие железные лапы разбрасывали камни. Гусеницы взбрылись на скалы. Лапы, хватаясь за выступы, помогали им.

Торжество Евгения было полным. Он на Луне, он может взять «руками» любой камень, сфотографировать любой пейзаж, установить любой прибор, провести любое исследование! Он на Луне, на Луне, на Луне!.. И никто не может ему в помощи! Никто! Он утвердит на Луне победу того направления в изучении космоса, которому посвятил свою жизнь!

Однако Евгений не просто давал выход своему торжеству, он приравнивался к предстоящему путешествию к месту посадки «Колумба».

На экране радиолокатора отчетливо выдвинулось очертание американской металлической ракеты, лежащей на боку среди камней. Очевидно, спуск был неудачным, и надо спешить на выручку злосчастному астронавту.

На протяжении первого километра пути Евгений сделал столько открытий, что лишь малая их доля принесла бы исследователю мировую славу.

Магнитное поле Луны!.. Его, безусловно, нет на лунной поверхности... Объявление только одно: ведь Луна не обладает, как Земля, тяжелым центральным ядром!..

Евгений обнаружил радиоактивность лунной коры, заметную радиоактивность, которая менялась, а не была общим фоном планеты... Сколько задач для исследователя! И этим исследователем вполне может быть лунная дальнеуправляемая лаборатория в танкетке.

Евгений первым точно измерил температуру поверхности Луны на солнце и в тени. Перепад температур был равен почти двадцати градусам! Какие великолепные энергетические возможности! На грани любой тени здесь могут работать паротурбинные установки, использующие неистощимую солнечную энергию!.. Солнечный паровой котел и холодильник в тени.

Камни и очертания скал в тени были невидимы. Конец спорам о вакуумной оптике... Но атмосфера! Есть ли на Луне атмосфера?

Анализаторы автоматически делали свое дело. Да! На Луне есть ничтожные остатки атмосферы... Их плотность такова, как на высоте почти ста километров над Землей. Состав этой атмосферы — в основном углекислота, продукт бурной вулканической деятельности. Ее больше, чем нейтрального азота, но есть и кислород. Черт возьми! Если из нее будут выкачивать снаружи лунную атмосферу и сжимать ее, то можно получить ощутимые количества кислорода... может быть, для будущих лунных городов... А углекислота насытит лунные оранжереи!..

Впрочем, зачем заглядывать так далеко! Сейчас эра лунных разведчиков.

Евгений досадовал, что не может целиком отдаться исследованиям лунной поверхности. Приходилось мчаться по камням к американской ракете.

Но что это был за путь! Даже во сне, в больном воображении нельзя было увидеть или представить таких небывалых пейзажей. Они менялись за каждым поворотом, за каждым выступом скалы!..

Соседство дня и ночи, Солнца и звезд, ослепительного света и мрачной тени, ослепляющие рубцы на голом теле планеты, никогда не знавшей покрова, смягчающего действия воды или ветра, острые углы, кристаллические грани камней, игольчатый щебень. Вот они, единственные следы разрушения на Луне. Разрушения от вечной смены раскаленного дня и космически холодной ночи. Лунный мир — это мир трещин, мельчайших, крошащих поверхностей скал, огромных, бороздящих морщинами склоны гор, и, наконец, гигантских разломов, глубиной чуть ли не в сотни километров, заметных даже с Земли!

Как хотелось Евгению остановиться хоть около одной трещины, заглянуть вглубь. Впрочем, что там можно было увидеть, кроме крошечной тьмы!..

И танкетка, разбежавшись, птицей

Александр НАЗАНЦЕВ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

перелетела трещины шириной в добрый десяток — другой метров.

Евгений наслаждался опущением полета. Его танкетка летала в дальнейшем надо будет снабдить ее реактивными двигателями, которые позволят ей перелететь через горный хребет, заглянуть в глубину кратера, чтобы убедиться, нет ли на аренах лунных цирков более плотных остатков атмосферы... И кто знает, что можно там обнаружить?.. Ведь есть кратеры, которые ниже поверхности лунных морей-равнин на несколько километров. Там могут быть совсем особые, лунные микромиры!..

И вот вдруг... картину таинственной мертвой природы заволокло Евгению живой человек, удивительный человек, заставивший его видеть перед собой лишь маленькую хрупкую фигурку, а не грозные скалы за ней, слышать ее голос с чуть нерусским произношением, а не витывать в себя торжественное величие лунной тишины.

Почему, придя к нему в лабораторию на Земле, она лишь на минуту остановилась на себе его взгляд, а здесь, на Луне, так потрясла?

У Евгения было ощущение внутренне-го взрыва или... солнечного удара, ощущение яркости, внезапности и затмения сознания. Нет! Это был не солнечный удар. Это был лунный удар!..

И так же, как явилась она с «лунным ударом», так же внезапно и исчезла, померкнув вместе с лунным миром на экране!..

В окнах макета танкетки не было больше Луны... Евгений «свалился» с Луны на Землю, в знакомую лабораторию с длинными столами и сети проводов... Возбешенный, раздосадованный, не могущий извинить себя за оплошность, он распахнул дверцу макета и высочил в комнату!..

А ЭЛЛЕН на Луне в тревога стояла перед омерзительнейшей танкеткой, тупо вглядываясь в непрозрачную полусферическую кабину. Что произошло?

Она невольно посмотрела на небо. Не исчезла ли Земля? Нет! Голубоватый шар стоял недвижно в небе, и в незатененной части диска можно было угадать очертания знакомых материков.

Эллен перевела взгляд на скалы. Они показались ей ужасными, придвинулись, нависли над ней, разрезанные там и тут чернотой тени.

Если бы они рухнули, увлекая вниз лавину камней, Эллен было бы легче. Ее угнетала мрачная неизменность всего, что она видела. Ведь каждый готовый сорваться камень так и висел здесь вечно, а каждая пылинка пролежала миллионы лет, не тронутая ни ветром, ни временем... И пусть упадет Эллен сейчас навзничь с широко открытыми от ужаса глазами, стеклянный ее взгляд будет миллионы лет все так же смотреть на любимую Землю, которая не сдвинется с места, не зайдет и не взойдет!..

Ужас приходил вместе с мыслью о неизменности, но сводящий с ума страх таился в охватившем Эллен сознании одиночества.

Одна на всей планете!.. Нет для человека большей пытки, чем одиночество.

Эллен посмотрела по сторонам и, обнаружив мертвым и надым миром, ланически побежала и танкетке, стала тряссти столб антенны:

— Хэллоу! Хэллоу! — в иступлении кричала она. — Говорит Кенни, журналистка Эллен Кенни. Слушайте меня! Отвечьте кто-нибудь. Одно только слово!..

Она сползла к гусеницам танкетки, припала к ним шлемом.

— Не слышат меня, — шептала она, — Им всем нет дела... Даже ему... Хэллоу! Мастер Громов! — все тире звала она. — Мой Мираж! — и, упав на след гусеницы, по-детски крикнула: — О-о! Мама!..

Недвижный снафандр лежал подле недвижной танкетки в недвижном лунном мире!..

(Продолжение следует).

Продолжение. Начало см. в номерах от 13, 16, 20, 23, 27 декабря 1959 г. и 6 и 10 января 1960 г.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Космические товарищи

«Искатель-1» шел над поверхностью Луны. Корабль вел Громов. Аникин тщетно пытался вызвать по радио Эллен. Том Годвин был мрачен.

Внизу пыла страна голых скал и серых равнин, изрезанных трещинами.

Вот она, другая планета, цоль путешественника!

Но все три звездолетчика не испытывали торжества. Они думали о судьбе закинутой раньше них на Луну Эллен.

— Командор! — крикнул Том Годвин. — Посадочный знак!

Крохотная темно-красная буква «Т» была чуть заметна на грани скал и равнины.

Громов уверенно посадил «Искатель-1» близ лежащего на боку «Искателя-11». В окнах кабины стоял мутный туман. Облако пепла, поднятое струей газа при посадке, оседало очень медленно. Мгла закрывала чужой мир...

Один за другим спускались исследователи по лесенке, выброшенной из люка. Том Годвин задержался на последней ступеньке:

— Командор, прошу вас. Ваше право ступить на Луну первым.

Петр Громов рассмеялся:

— Наука не имеет ничего общего с рекордсменством. Советские люди давно забросили на Луну вымпелы, но не заявили территориальных претензий.

— Все же я прошу вас, командор.

— Извольте, Том... Кстати, на Луне уже мисс Кенни.

— О нет, командор! Она не ступила на Луну, а упала на нее, и вынута была из кабины манипуляторами советской машины. Первым исследователем Луны, вступившим на нее, должны быть вы.

Петр Громов не стал спорить.

И вот все трое уже стояли на лунной поверхности в облегающих тело скафандрах с начинающимися от плеч прозрачными колпаками. Они не рисковали двинуться в путь и стояли у посадочных лап корабля.

Хмурые скалы едва вырисовывались во мгле, словно постепенно попадая в фокус изображения.

Наконец видимость улучшилась. Серая каменная пустыня тянулась к горбату горизонту. Совсем в неожиданной стороне оказалось гранатовое пятно...

Продолжение. Начало см. в номерах от 13, 16, 20, 23, 27 декабря 1959 г. и 6, 10 и 13 января 1960 г.

Том Годвин первый прыгнул в его сторону. Тело астронавта взлетело высоко над камнями. Ему едва удалось опуститься на ноги метрах в тридцати.

— Осторожно, Годвин! — крикнул Громов.

Громов и Аникин двигались медленно, держась за руки. Годвин остановился, чтобы подобрать яркий камешек. Тот самый, который Эллен в минуту отчаяния бросила в небо...

Еще один прыжок — и Годвин опустился на колено около лежащего скафандра.

Вот она, его незнакомая пассажирка. Не думал он встретиться с ней... Что почувствовала, оставшись одна на ракете, что перенесла здесь, на чужой планете? Дышит ровно, глубоко... Неужели спит?

От взгляда Годвина Эллен проснулась. Она спала! Усталость и переживания сломали ее. Пришел сон, спасший от помешательства.

Она открыла глаза и увидела простоватое лицо с широко расставленными маленькими, но добрыми глазами...

— Том! — только и могла выговорить она.

Годвин не услышал. Он догадался, что выключено радио, и повернул рычажок на ее шлем, сдвинувший при падении.

Эллен села и припала к плечу пилота:

— Том! Все-таки прилетел... Сейчас я могу только обнять. Они спасли вас? Когда будет воздух, я поцелую им руки...

— Эль! Здорово все получилось, — сказал Том Годвин.

Эллен тихо засмеялась:

— Я еще вас совсем не знаю. Но вы должны быть именно таким. А меня вы сделали другой. Я родилась здесь, на Луне. Я селенитка. И всем, почти всем обязана вам...

Только теперь заметила Эллен Громова и Аникина.

— Здравствуйте, — сказала она, вскакивая. — Я же говорила, что вы, может быть, увидимся. Извините. Я не слышала, как вы подошли.

— На Луне мог подкрасться и слон, — пошутил Аникин. — Звук нег... Слонов тоже.

— А воздуха здесь столько же, сколько совети у мисс Хент, — вставил Том Годвин, стараясь скрыть смущение.

Эллен неуверенно сделала шаг к Громову. Тот протянул обе руки и с душевной простотой обнял ее.

— Вот теперь можно и осмотреться, — сказал Аникин. — А то мисс Кенни заслоняла нам всю планету.

— А я уже здесь такого насмотрелась... — вздохнула Эллен.

— Где ж тут у вас кратер Эллен Кенни? Где ущелье Евгения Громова? — с напускной серьезностью спрашивал Аникин.

Эллен опустила голову:

— Евгений Громов!.. Простите, командор, он ваш брат, но он не джентльмен. Ему быстро надоело мое общество. Он чел возможный оставить меня здесь совершенно одну...

— Вращение Земли оставило вас одну, мисс Кенни, — мягко объяснил Громов. — Луна зашла в Москве за горизонт. Вот и все.

Эллен посмотрела на голубоватый шар в небо:

— Нет, Земля не заходила за горизонт.

Лунный шар не вертится. А на Земле Луна заходит. И тогда теряется радиосвязь с танкеткой, ее телеэкраны гаснут.

— Бже! — воскликнула Эллен. — Это ужасно! Так полумать о человеке! Как, однако, много надо знать о Земле... и о людях Земли, — тихо добавила она.

Том Годвин повел Эллен в ракету. Громов поднимал острые, словно колючие камни, с интересом рассматривая их, брал в горсть пепел, пересыпал его с ладони на ладонь...

ПОТЕРЯВ связь с танкеткой, Евгений не находил себе в лаборатории места, уныло бродя между длинными столами.

Спокойная Наташа с укором смотрела на него.

— Понимаю, — в смятении остановился он перед ней. — Думаешь, тот уступил ей жизнь, как уступают стул, а я... не могу даже поддержать ее...

— Думай о другом, Женя, — рассудительно ответила Наташа. — Луну

сейчас видно в Америке. — Проникновенная мысль! К сожалению, из Америки нельзя управлять танкеткой.

— Сядь и приди в себя, — внушительно сказала Наташа. — Сейчас американцы без тебя страшно, а может случиться, что без танкетки они погибнут.

— Почему погибнут?

— Потому что Луна не будет в Москве видна... и она в решительную минуту не смогут воспользоваться танкеткой... Вот если бы в мире обменялись телепередачами...

— Фантастика! Цепь поднятых в небо антенн вокруг всего мира?

— А почему нет? — упрямо спросила Наташа. — Американские самолеты в свое время летали с атомными бомбами? Грозил силой? Почему бы не летать теперь, чтобы помочь тем, кто на Луне?

— Да разве можно договориться с их генералами! — махнул рукой Евгений.

КАБИНА «Искателя-1», когда в него вернулись Громов с Аникиным, приобрела неожиданный уют.

Эллен накрыла стол.

— Пропу всех садитесь... Будет очень вкусно. Нельзя ли включить земную музыку? Люблю симфонии, но обожаю танцевать.

Аникин кинулся к радиоаппарату. На Луне Землю было лучше слышно, чем на самой Земле... Некоторое время все молча слушали музыку, несущуюся через межпланетное пространство.

— Вот что, товарищи, — сказал Громов, решительно усаживаясь.

— Товарищи по несчастью, — подхватила Эллен.

— Нет, товарищи по работе, — поправил Громов. — Нужно подумать о завтрашнем дне.

— Стоит ли думать... о смерти? — сказала Эллен.

Громов пристально посмотрел на нее: — Мы обеспечены четырнадцатью баллонами кислорода. По одному на земную день.

— Разве есть ракеты, которые смогут прилететь за нами? — повернулась к Громову Эллен.

— Есть две резервные ракеты типа «Искатель-1», — ответил Громов. — Но они духмятные... Пилоты смогли бы взять отсюда лишь двоих...

— Понимаю, — с горечью сказала Эллен. — Здесь есть лишние.

— До наступления лунной ночи сюда прилетит международная космическая экспедиция, — раздельно произнес Громов.

— Вавилонскую башню не могут достроить с библейских времен! — Я говорил с академиком Белоусовым. Весь мир занят нашей судьбой. Сейчас трудно претягивать завершение строительства.

— Я только описывала международные конфликты... Неужели теперь придется сдать их причиной?

— Скорее причиной международного единения. Нужно думать, как не остаться в долгу перед человечеством.

Признаю ваше руководство, командор, — вмешался Том Годвин, пока не выплыву вам долг. Какова задача?

— Собрать образцы пород, наблюдать лунную природу... и дойти до края видимого с Земли лунного диска.

— Черт возьми! Это меня устраивает. Расставлю по пути заявки. Тут кое-что валется под ногами. Посмотрите, что я нашла. Это вам, Эль, но дню вашего лунного рождения.

И Том Годвин протянул Эллен найденный им камешек.

— О-о! Том! — воскликнула Эллен и смутилась. — Мне кажется, что... мне однажды дарили его здесь...

— Кто дарил? — изумился Годвин.

— Может быть, во сне... Я хотела бы уснуть, — растерянно говорила Эллен.

— Годвин, у вас не осталось пилоты? Я ведь не пойду с вами.

— Чепуха! — возмутился Годвин. — Как вы можете остаться здесь одна? — Но я не люблю ходить пешком, — упрямылась Эллен, думая о чем-то своем.

Вас повезет танкетка, — сказал Громов, внимательно наблюдавший за Эллен. — Вы будете отдыхать вместе с ней.

— Танкетка? — сразу оживилась Эллен и чуть покраснела. Потом, сощурилась, посмотрела на Громова. — Вы романтик, командор. Хотите пройти сотни километров без асфальта, пренебрегая золотом и алмазами, чтобы увидеть лишь «ту сторону»...

— Я иду к вам куда больший, — улыбнулся Громов. — Ищу и вспоминаю, что Колумб не поворащивал вспять от неизвестных берегов. Амундсен не возвращался, не дойдя до открытого острова.

— Я готов, командор, — заявил Том Годвин.

(Продолжение следует)

Александр КАЗАНЦЕВ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

ЕЩЕ за час до того, как Луна должна была взойти над Москвой, Эллен стояла у танкетки, устремив взгляд на темную полусферу. Мужчины неподалеку устанавливали автоматическую радиостанцию наблюдения. Она в течение года должна была сообщать показания различных измерительных приборов.

Опершись о борт танкетки, Эллен задумчиво смотрела на матовую полусферу. И, наконец, полусфера начала светлеть, как бы наполняясь воздухом и светом. Постепенно, словно выходя из тумана, стало выплывать изображение Евгения... Нет! Преодолевая расстояние в 384 тысячи километров, он сам, живой, бодрый, взволнованный, появился перед Эллен.

Том Годвин, оторвавшись от работы, издала видел, как вздрогнула Эллен, очевидно, встретившись с Евгением взглядом.

— Мой Мираж! Я так вас жду, — тихо сказала Эллен.

— Селена!..

— Я подумала, что вы обиделись. Я восхищалась Годвином.

— Я тоже.

— Но я знаю... Вы спасли меня с Земли. На Луне вы поступили бы так же.

— Это верно, Селена, — горячо сказал Евгений.

Эллен заметила, что Том Годвин как-то боком направился к танкетке.

— Здесь все очень сложно, — быстро заговорила она. — Вот камешек... Даже о нем думать сложно... У вас сложный брат... Рыцарь науки в скафандре... Ведет за собой всех, чтобы взглянуть за край лунного диска... А я остаюсь...

— Селена! Я считал минуты, ждал, когда взойдет Луна.

Годвин был уже в нескольких шагах. Эллен загородила собой полусферу.

— Разве я причинила мало хлопот? Надо ли быть обзой?

— Селена! Я не оставлю вас одну!

— А вы сможете это повторить? Нет, нет! Не на Луне?

— Эль пойдет с нами, — сказал подошедший Годвин. — Надеюсь, ваш автокар сможет помочь ей в трудных местах?

— Конечно, — сказал Евгений.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Крушение неизменности

Четыре человека в скафандрах извилистым путем пробрались между зигзагами трещин.

Петр Сергеевич Громов, провозглашенный на Луне командором экспедиции, и пилот погибшей на Луне американской ракеты «Юлмоб» Том Годвин, дела опасность первого шага, как слепцы, ощупывали палками путь. О прыжках, столь легких на Луне, не могло быть и речи. Под пеплом всюду ждали бездонные пропасти.

Позади двигалась управляемая с Земли, снабженная двусторонней телевизионной связью танкетка, нагруженная кладью экспедиции и баллонами кислорода. В ней сидел, вернее, лунным исследователям казалось, что в ней сидит, Евгений Громов, ее создатель и страстный сторонник исследования планет с помощью подобных автоматов. На самом деле Евгений находился в лаборатории дальнего управления Московского космического института в макете движущейся по Луне танкетки, но, видя в окнах телеэкранов лунный пейзаж, идущих рядом с танкеткой путников в скафандрах, ощущая повиновение пробирющейся по лунным камням машины, Евгений полностью ощущал себя на Луне, забывая, где он на самом деле находится. Он напряженно следил за каждым путником, готовый ринуться на помощь.

Эллен Кенни, американская журналистка, волею судьбы и вопреки планам и здравому смыслу оказавшаяся вместе со всеми на Луне, часто оглядывалась на Евгения. Ведь она была ему обязана жизнью так же, как и американскому пилоту... И всякий раз, словно чувствуя, оборачивался и Том Годвин, угрюмый и встревоженный...

Природа угнетала маленькую Эллен. Ее глаза были тревожно сопулены, на тонких губах застыла полуулыбка, которой она словно боролась со всем, что ее окружало.

Обрывы «берегов» лунного моря ослепительными стенами уходили в черное звездное море. Голые утесы нависали над окаменевшими грядками волн, посыпанных пеплом. Острые, как ножи, ребра скал и рваные крошки трещин остались нетронутыми после древних катаклизмов, словно все остановилось с тех пор, как кончилось...

Ужас неизменности охватывал Эллен. Она не могла примириться с тем, что все вокруг не менялось уже миллионы лет, каждая пылинка, не зная ветра, лежала веками недвижно, камень не мог сорваться в пропасть, нависая над нею. Что может быть страшнее конца?.. Нельзя жить и двигаться, если все вокруг мертво. Кошмарно оставаясь здесь следы. Надо пасть ниц и замереть на тысячелетия... Так сходят с ума...

Евгений угадывал, что происходило с Эллен, которую он называл с ее согласия Селеной, по имени греческой богини Луны. Она же в ответ называла его, видя лишь его изображение в окнах танкетки, Миражем... Евгению хотелось бы отвлечь едва держащую себя в руках американку разговором, но как это сделать, если каждое слово обрело, как ему казалось, особый смысл, а слышат его

сразу во всех шлемофонах!.. Он попросил Петра, своего старшего брата, подойти и показал ему глазами на Эллен. Петр, огромный, атлетически сложенный, с крупными рублеными чертами лица, проницательно посмотрел на младшего брата и все понял.

— Мисс Кенни, — сказал он, нагоняя Эллен. — Мы нуждаемся в вашей помощи.

— Вы зло шутите, командор, — нервно обернулась Эллен.

— Нисколько. Вот киноаппарат, — он протянул ей портативную кинокамеру. — Вы опытный репортер и можете стать кинооператором экспедиции. Снимайте этот мир.

— Святоотство, — сказала Эллен, смущенно беря киноаппарат. — Снимать пейзажи Дантова ада? Борьбаться с ними, поднимать их себе... Я могу это сделать? Как вы думаете? — и Эллен, привычно наведя кинокамеру, сняла пепочку вдавненных в пепел лунок, как тушью, обведенных густой тенью.

— Следы человека на Луне, — сказал Петр Громов. — Вы сами ответили на свой вопрос.

— Я подумала, что боюсь темноты... Неизменности и пустоты... Они отнимают рассудок...

— А их вовсе нет и в космосе, — отозвался Аникин, дальше всех бывший от Эллен. — Космос переполнен метеоритами любых размеров, начиная с пылинки и кончая планетами, составленными из тех же метеоритов; даже звездами...

— Даже звездами? — удивилась Эллен не столько составу звезд, сколько тому, что слышит это от Аникина, от главного парня, которого она считала механиком, пилотом, помощником, тенью командора, повторяющего его шаги, слова, мысли...

— И звезды, — подтвердил Аникин. — Они вспыхивают при сгущении туманностей космической пыли. И кто знает, что это за пыль? Быть может, она состоит не только из частиц обычного вещества, но также и из частиц антивещества с обратным электрическим зарядом ядра и оболочка. Тогда, соприкасаясь, частицы вещества и антивещества перестают существовать, превращаясь в носители энергии — в фотоны, которые раскаляют оставшуюся массу вещества. Если метеоритная пыль образовала таким образом звезды, то более крупные метеориты, захваченные когда-то Солнцем при прохождении темной туманности, образовали Луну, Землю и все другие планеты солнечной системы. Они продолжают ежесекундно встречаться с Землей, падают на нее, увеличивая ее объем и массу. Правда, большинство из них не долетает до поверхности, сгорает в атмосфере. У Земли крыша надежная.

— А на Луне? — спросила Эллен, с интересом разглядывая Аникина.

— Никакой нет. Метеориты каждую минуту оставляют здесь след. Вот об этом я и хотел сказать. Какая же тут неизменность!.. Что тут может подавлять? Кольцевые горы-цирков, глубокие кратеры — все это следы метеоритов.

— Вывод поспешный и неверный, — вмешался Петр Сергеевич Громов, получивший докторскую степень и профессорское звание во время работы в Пулковской обсерватории за труды по исследованию лунных вулканов.

— Война белой и алой розы, извечная борьба двух гипотез, — заметил

чувствовавший себя на Луне Евгений.

— Не надо превращать ее в войну жрецов, — резко сказал Петр Громов. — Только в религиозном экстазе можно забыть о лунных вулканах.

— Их нет на Луне; — решительно заявил Аникин, — а метеориты продолжают менять ее лицо.

Разговор был начат, чтобы отвлечь Эллен, помочь ей справиться с подавленным состоянием, но он уже перерос в жаркий спор.

— А лунное извержение, которое в 1958 году наблюдал Козырев? — напомнил Петр Сергеевич.

— Просто увидел тучу пепла, которая поднялась при падении метеорита. Такая же туча скрыла кратер при падении на Луну первой ракеты с советским вымпелом. Это видели венгры. Вот так. Просто туча.

— Старая песня академика Коваленкова.

— Берусь доказать на Луне любое его утверждение, — запальчиво сказал Аникин.

Эллен растерянно смотрела на него, не понимая теперь расстановки сил на Луне.

А расстановка эта определялась тем, что Вана Аникин, оставленный после окончания университета в аспирантуре у академика Коваленкова, попал в состав первой лунной экспедиции именно по его настоянию. Академик Коваленков, желчный, сухой, нетерпимый к чужим мнениям педант, нашел в Аникине яростного последователя близкой ему теории о метеоритном происхождении космических тел. Ее важно было подтвердить на Луне, где нет воды и атмосферы, где картина образования планеты, отличающейся от всех других лишь характером орбиты, осталась нетронутой. Академик Коваленков хотел, чтобы в лунной экспедиции его точна зрения противостоило вулканическим гипотезам «малоопытного пулковского астронома, явно преждевременно ставшего профессором».

Академик Белоусов, комплектовавший экипаж «Искателя», не счит возможным отказать маститому академику, который сам по состоянию здоровья, конечно, не мог лететь на Луну.

Ну, а у Вани здоровье было отменным. Футболист, правый крайний московской команды «Спартак», он оказался вполне подходящим для звездолетчика.

Он проходил подготовку в космическом институте под руководством Петра Сергеевича Громова и проникся к нему таким уважением и преданностью, что чуть не возненавидел себя за неверность академику, поклявшись, что не даст на Луне ни единой из его научных позиций.

Федор Афанасьевич Коваленков сам побывал в семье Аникиных, чтобы получить согласие на космический полет Вани.

Отец Вани, полковник в отставке, Герой Советского Союза, отличившийся в войну с гитлеровцами, сыном гордился. Когда-то тяжело раненного летчика вывела в госпитале маленькая женщина, военврач, которая потом стала его женой. Ваня был у них младшим сыном и слабостью отца. На семейный совет собрались и три старшие сестры: учительница, мастер химического завода и актриса.

Послушный сын сидел, хитровато поглядывая на всех. Мать-то знала: как ни реши, а сынок поступит по-своему. Упрямство в нем она так и не искоренила...

Отец видел в назначении сына в лунную экспедицию боевое задание. Две старшие сестры всплакнули, но отговаривать Ваню не решились. Младшая сказала, что, зная влюбчивость Вани, отпускает его на Луну только потому, что там нет женщин... и расцеловала его.

На Луне оказалась Эллен...

(Продолжение следует).

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Ваня вдвойне ощущал себя закованым в скафандр. Он иронически поглядывал на полусферу танкетки, отлично заметив, что телевизионное изображение помогало «кое-кому» позабыть о 384 тысячах километров расстояния... Впрочем, ему пришлось мысленно приуныть язык. Он-то знал, что дикторы Московского телецентра получают немало писем с признанием в любви и назначением свиданий... от людей, видевших их только на экране... И немало таких писем написал, кстати, он сам... А как он был обижен, когда узнал, что девушка-диктор встретила с ним лишь потому, что он упомянул в последнем письме о своем близком полете на Луну!

Все же он подурчился с этой чудесной девушкой, и в последний вечер перед отлетом они даже поцеловались. Она обещала ему смотреть на Луну...

Он сказал ей на прощание, что Луна «слепилась» из метеоритов... Девушка охотно с ним согласилась...

Эллен решительно не знала, что думать по этому поводу, Петр Сергеевич был раздражен, а Том Годвин решил вмешаться:

— Чтобы поднять хорошую тучу, метеориту надо было угодить в скопление пыли, как вон в той расщелине. Она полна рыхлым пеплом, как биржа рыхлыми прохвостами. — и он указал на клинообразную расщелину в береговых скалах лунного моря.

— А если поставить опыт? — предложил Евгений. — Для того и есть у нас танкетка. Вы отойдете на безопасное расстояние, а я метну туда манипуляторам камень.

— Какая же у него будет скорость? Несравнимая с космической, — сопротивлялся Петр Сергеевич.

— Но мы проверим, как ведет себя пепел. — наставлял Анникин. — И если простого камня будет достаточно, чтобы взбаламутить пепел, то... прав Коваленков!.. Вам ли это bothering?

Петру Сергеевичу пришлось уступить. Люди отошли от расщелины подальше. Видимость была превосходной.

— Мне хочется пожать вам руку, — сказала Эллен Евгению. — Вы словно идете на подвиг.

Продолжение. Начало см. в номерах от 13. 18, 20, 23, 27 декабря 1959 г. и 6, 10, 13, 20 и 24 января 1960 г.

Евгений поднял высоко над танкеткой обе железные руки и соединил их в рукопожатии.

Танкетка помчалась к скалистым обрывам, подсканная на камнях. Эллен снимала ее кинокамерой...

У расщелины танкетка остановилась. Могучие железные руки подобрали огромный камень, замахнулись им, далеко закинув назад, и метнули вверх.

Камень описал дугу и зарылся в рыхлый слой пепла с краю расщелины.

Ничего не произошло.

— Ну вот, — снисходительно заметил Петр Громов. — Теперь скажете, что скорость была мала.

Эллен, целясь телескопическим объективом, продолжала снимать. Она прерывала, что даже слабого удара «импровизированного метеорита» оказалось достаточно, чтобы вывести пепел из состояния неустойчивого равновесия. Он потек... потек, напоминал темную жидкость. Сначала он падал с высоты струйкой, но скоро таких струек появилось множество. Закрученные спиралями, они слились в пепельный «водопад».

Внизу с каменной стало подниматься черное облако.

Что там медлит Евгений?

И вдруг пепел рухнул черной Ниагарой. Танкетка исчезла из виду. Нельзя было понять, что с ней случилось.

— Мой Мираж? Он утонул!.. — крикнула Эллен.

— Гусеницы бусуют, — посыпался в шлемофонах голос Евгения.

— Скорее на помощь! Его засыплет! — крикнул Петр Сергеевич.

Пепельный водопад разрастался с гонимой быстротой. Но люди, не раздумывая, бросились в черную тучу, клубами поднимающуюся с поверхности.

Евгений мигал прожектором. Свет едва был виден во мгле.

Исследователи держались за руки, чтобы не потеряться. Добрался до танкетки, когда пепел стал им по колено.

— Как в Помпеях, — прошептала Эллен. На миг она представила себе, что всех их засыплет навеки... Они сидят безвольные, покорные судьбе... Их найдут, окаменевших, через сто тысяч лет и поместят под стеклянные колпаки в музеях, как в Помпеях... Она переругнула плечами.

Попробовали толкнуть танкетку, но она не двинулась.

— Поднимайте за гусеницы! — приказал Петр Громов.

Эллен наравне с другими уцепилась за гусеничную ленту. Ослепительный день превратился в непоглядную ночь. Казалось, что люди в водлазных костюмах спустились на дно темного моря.

Только на Луне можно было поднять вчетвером такую тяжесть. Танкетка помогала манипуляторам, приподнимаясь на них.

Спотыкаясь, еле вытаскивая из пепла ноги, Эллен тащила танкетку вместе со всеми и уже не думала о Помпеях. Она спасала Евгения!.. Она не могла допустить, что тот сидит в безопасности на далекой Земле в лаборатории и переговаривается со своей помощницей Наташей, которая варит ему кофе...

Наконец слой пепла стал мельче, танкетка оказалась на камнях. Эллен почувствовала, что механическая рука подхватывает ее.

— Все на вездеход! — скомандовал Петр Громов.

Перегруженная танкетка тяжело переваливалась через камни.

Сквозь мглу стало просвечивать Солнце, напоминала земное Солнце перед закатом, но лишь не красное, а серое, за-

татное дымкой и лишенное короны пламенных языков.

Солнце выступало все ярче. Стали различимы каменные торосы и трещины, через которые перебиралась танкетка.

Пепельная туча рдела. Однако от нее нужно было бежать как можно скорее.

— Здорово получилась! — торжествующе заметил Анникин. — Федор Афанасьевич будет рад!..

— Крушение неизменности, — отвечая своим мыслям, сказала Эллен.

— Нет! — решительно заявил Петр Громов. — Козырь не мог обойтись. Он видел извержение. Но наша ошибка ясна. На Луне все было неизменно, пока человек не ступил на нее.

— Нельзя трогать Луну? Вы так думаете? — спросила Эллен.

— Напротив! Именно человек заменит ее, — сказал Петр Громов.

Танкетка вырвалась из черной тучи. Эллен снова увидела платиновые скалы и черные тени и облегченно вздохнула.

Она наклонилась к прозрачной полусфере и тихо сказала:

— Я так испугалась за вас, мой Мираж...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Морщины

Эллен очень хотелось снять лунный цирк, который выдвигался справа. Издалека это можно было сделать лишь с высокой точки. Резкость очертаний была одинакова и возмил и вдале. На Луне все казалось обманчиво близким... Можно было идти бесконечно долго, не приближаясь к цели.

Эллен выбрала скалу с пологом подъемом, удобным для танкетки. Она показала ее Петру Сергеевичу, добавив, что ей не хотелось бы для предполагаемой съемки отвлекать кого-нибудь от сбора коллекции камней.

Громов поколебался на нее и сказал, что танкетка доставит ее наверх.

Эллен содурилась.

Том Годвин, конечно, слышал этот разговор. Ведь каждое слово звучало во всех шлемофонах...

Эллен вскопчила на танкетку. Сердце у нее взволнованно билось. Танкетка стала круто взбираться по камням.

— Селена!.. — сказал Евгений.

— Мой Мираж! — тихо ответила Эллен и предостерегающе подняла палец.

Три фигурки выдвигались внизу. Они наклонялись и выпрямлялись.

Эллен отлично слышала голоса Громова и Анникина. Том Годвин молчал.

Эллен пожалела в душе, что связь ухудшается так медленно...

— Селена, вы почти совсем не подходите ко мне, — сказал Евгений.

— Тсс, мой Мираж!.. Здесь все очень сложно... И потом... Я уже совсем другому воспринимаю Луну...

— Почему же вы не напишете этого в корреспонденциях? Я так жду, когда вы будете диктовать их мне.

— Корреспонденция?.. Ах, мой Мираж!.. Чтобы написать, почему Луна стала для меня другой, мне надо стать такой, как Жюль Санд.

— Вам Луна кажется иной?

— А как вы думаете?

— Скажите... Потому, что мы встретились здесь?

— Вы так считаете?

— Я считаю... мне кажется... если в самом деле... На Земле сейчас ночь... В небе светит Луна... Она так красива! Хотите, я открою дверцу танкетки... вы увидите край она и Луну над деревьями...

— Откройте, мой Мираж... Это будет, как во сне.

Эллен наблюдала за Евгением. Он, взволнованный, распахнул дверцу танкетки. В окне виднелись деревья. Подоконник был залит белым светом.

(Продолжение следует)

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Эллен соскочила с танкетки, стала искать, откуда лучше будет видна Луна в полусфере. И она увидела Луну, совсем круглую, яркую, с отчетливым рисунком теней...

— Какое странное чувство! Она видела Луну почти за четыреста тысяч километров и одновременно находилась на ней...

— Я хочу, чтобы вы стали лунатиком, слышите... Я хочу этого, — сказала Эллен.

— Удивительная Луна, — отозвался Евгений.

— Наша Луна!

— Да, да! Наша...

— Теперь смотрите сюда, мой Мираж. Буду показывать я... — и Эллен протянула руку.

Среди хаоса скал лунный цирк поражал геометричностью форм. Горный хребет кольцом охватывал глубокую равнину. Тени делали кольцевые горы рельефными, словно нарисованными тушью. В первый момент казалось, что среди скал высится искусственное сооружение титанов. Исполнительный амфиатр уступами спускался к немалому огромной арене, посередине которой стоял, как ось колеса, одинокий горный пик, отбрасывая на арену острую тень.

— Правда, красиво, мой Мираж? Когда я перестала бояться, я полюбила Луну.

— Я... я тоже, Селена.

— Мужественная, суровая красота, строгая, могучая, ничем не тронутая и таинственная. Командор и Аникин спорят о происхождении лунных цирков. А если... если они... построены? Что римский Коллизей! Я бродила по нему ночью при лунном свете... Там было очень много шума. Кромка стен была волнистой и серебрилась. Вместо арены виднелись темные провалы когда-то скрытых под ней помещений для диких зверей и гладиаторов. Что скрыто под ареной лунных цирков?

— Заложить бы буровую связку...

— Да, да... буровую связку... — рассеянно повторила Эллен. — Я сейчас видела Луну, словно отраженную в земном зеркале... Послушайте, мой Мираж. Простите меня. Вы подумаете, что я только женщина, глупая и смешная. Ведь если она даже среди лунных скал... И все-таки... Скажите, если у вас в танкетке будет зеркало, я увижусь в него?

Евгений удивился, но ответил:

— Конечно, вы увидите себя в зеркале, если его поместить здесь, около меня, перед аппаратурой.

— Мой Мираж, милый... Я очень попрошу. Это рискованно — посмотреть на себя.

— Я сейчас... я попрошу зеркальце у Наташи.

А через минуту маленькая женщина всматривалась в свое изображение. Это изображение сначала было передано через космос на телевизор в макете танкетки, установленной в лаборатории, отразилось в зеркале, которое держал в руках Евгений, и вместе с зеркалом было воспроизведено аппаратурой на Луне.

Но Эллен вовсе не думала, «как» она видит себя, она лишь тревожно всматривалась в свое лицо, измененное новой прической, утомленное, и... пожалулу, чуть выгравшее от этого... или от причуд резкого лунного освещения.

— Вы знаете, мой Мираж, я вижу у себя новые морщины.

— Селена! Смотрите! — крикнул Евгений и едва не выронил зеркало.

Эллен обернулась.

На выпуклом горизонте лунного моря, недавно покинутого путниками,

что-то свернуло. Звездой рванулись во все стороны ослепительные лучи, и зеленое облако светящейся короной стало расплываться по черному небу, как заря неведомого светила.

— Это не пепел! — воскликнула Эллен.

— Это метеорит, Селена.

— Неужели прав этот милый забияка Ваня, а не ваш брат?

— Прыгайте на танкетку! Скорее! Помчimsя!

— О да, скорее! Что там случилось, мой Мираж, на... нашей Луне?

Сверху было видно, как три фигурки, делая большие прыжки, спускались к равнине.

Танкетка мчалась следом, подпрыгивая на камнях, перелегая по несколько метров над поверхностью.

Танкетке не сразу удалось догнать бегущих.

На небосводе был виден огромный расплывающийся шар.

— Метеорит, Леночка, метеорит! — кричал Аникин, ловко вскакивая на танкетку. — Что я тебе говорил! — перешел он с Эллен на ты. — Мы сами увидим сейчас оставленный им след! Конiec спорам!

— Клянусь долларом, не похоже на атомную бомбу, совсем не похоже! — бормотал Том Годвин, ухватившись за выступ на танкетке и вскакивая на нее, как козвбой на коня.

Маленькая танкетка мчалась к месту взрыва, как славной памяти тачанка во время атаки.

Перегруженные моторы грелись.

Скоро небо из черного стало зеленым.

Танкетка вошла в поднятое взрывом облако. Оно было более разреженным, чем во время недавнего «пеплопада». Однако Евгений замедлил скорость и включил прожектор.

Солнце просвечивало через зеленый туман и само казалось странным, ярко-зеленым...

Зелеными казались и скрытые за прозрачными колпаками лица людей.

Евгений совсем замедлил ход.

Сверху падал твердый дождь. Это были хлопья пепла и мелкие, медленно оседающие песчинки.

Танкетка остановилась около дымящегося кольцевого вала.

Все соскочили на камни и осторожно подошли к новому образованию.

Том Годвин попробовал вал ногой. Он был рылым.

Аникин прикинул размеры образовавшегося кратера.

— Метров сто.

На дне кратера лежали осколки небесного камня.

— Какой гигантский снаряд! — сказала Эллен.

— Это что! — отозвался Аникин. — А ты представь себе древние небесные снаряды с озеро Байкал величиной. Падая такой камушек и насыпал кольцевые горные хребты при взрыве...

— Этого никогда не было, — спокойно заметил Петр Сергеевич.

— Это почему же? — возмутился Аникин.

— Как видите, характер взрыва метеорита совершенно не напоминает извержение вулкана. Камни разбрасы-

— представляет собой кольцо.

— Морщина! — отвечая своим мыслям, воскликнула Эллен. — Как это верно!

— Да, морщина, — подтвердил Грозов. — От встречи с метеоритами на Луне появлялись только морщины, но отнюдь не горные хребты.

— Морщины и раны, — поправила Эллен.

Грозов пристально посмотрел на нее: — Да, если хотите, то морщины и раны-кратеры.

— А кратер лунного цирка — не рана?

— Конечно, нет. В его центре вовсе не лежат осколки упавшего когда-то метеорита, а высится прежде действовавший вулкан.

— Не думаю, что Федор Афанасьевич согласится с этим, — сказал Аникин.

— Не ругаюсь за академика Коваленко, но тебе, Ваня, очевидно, все же придется с этим согласиться.

— Если бы на Земле взорвалась такая чертовщина, — сказал Том Годвин, — там немедленно решили бы, что сброшена атомная бомба... и начали бы войну.

— Видите, Годвин, как опасно играть с атомным оружием, брадять им, грозить применить при первом подозрении...

На Земле действие метеоритов ослаблено атмосферой, но и там остался кратер в Аризонской пустыне диаметром более километра. Тысячи лет назад там упал гигантский метеорит. А в тунгусской тайге в 1908 году ударился уже не метеорит, как установили последние экспедиции, а произошел ядерный взрыв. Можно спорить, что было его причиной: гибель ли марсианского робота или неизвестный феномен природы, но одно можно сказать — начинать атомную войну из-за первого взрыва, не разобравшись в его происхождении, нельзя. Однажды я присутствовал на собрании физиков в Москве, где всеми уважаемый академик, анализируя тунгусскую катастрофу, подсчитал, что вероятность такого явления на Земле, могущего послужить началом атомной войны, вовсе не так уж мала.

Она равна, как он сказал, вероятности выигрыша автомобиля в лотерею...

— Черт возьми! Если мне придется снова попасть в Америку, я расскажу, какой видел взрыв, и посоветую президенту от любых других взрывов воздержаться.

— Хотите, Годвин, я напишу это в своей очередной лунной корреспонденции на Землю? — предложила Эллен.

— И знаете, что я еще добавлю к ней? Я расскажу людям о морщинах, которые остаются после космических встреч... И не только от космических встреч, но и от всяких других... иногда на лице, иногда в сердце... Если бы я могла показать вам зеркало, Том... я подсказала бы вам, какие морщины у меня появились вновь.

— От встреч с Луной? — спросил Годвин.

— Нет... Не только... Начиная с встречи с вами... Лучше, когда морщины бывают без ран.

(Продолжение следует)

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ Трещина

Пейзаж Луны изменился. Исчез пепельно-серый покров. Каменное море, по которому двигались путники, казалось глазу и отливало синеватой сталью с фиолетовыми блестящими. Оно напоминало застывший шлак, местами гладкий, как лед, местами волнистый, с расходящимися кругами морщин, шероховатый и пористый.

Эллен вскрикнула, увидев из-за поворота глазуристый наст равнины, по которому протянулись две полосы: одна золотистая — к косматому Солнцу, другая нежно-синеватая — к исполняемому шару Земли, висевшему над зубцами горного края.

Эллен сидела на кузове танкетки у самой полусферы и опиралась на железную руку манипулятора.

— Как странно, лунная дорожка на Луне... На Земле верят, что лунная дорожка ведет к счастью.

— Может быть, потому... — тихо начал Евгений.

— Что она ведет к нам, на Луну, — договорила за него Эллен. — А эта дорожка ведет обратно... к синему небу, к полутеням, к мягкому рассеянному свету, к дождю, ко всему тому, что мы не ценили дома... на Земле. И, конечно, к счастью...

Танкетка к ходу остановилась. Петр Громов и Аникин, ушедшие вперед, стояли неподвижно.

Все молчали.

Лунный шар, когда-то снимаясь, здесь раскололся, как испрошенный орех. Первоначальная сила, словно мечом, разрубила планету. Гигантская трещина просто расколола равнину моря, кругостенным ущельем надвое развалила горный край. Части гор сместились относительно друг друга. Море делало огромный уступ, простираясь за трещиной уже метров на сто ниже.

Эллен соскользнула с танкетки и подошла к обрыву. Петр Громов придерживал ее за руку.

— Да, это странно! — сказала она. Громов стоял, скрестив на груди руки и глубоко задумавшись. Он смотрел на противоположный, недоступный край трещины. Ее острая крошка была там совсем другого цвета, обведенная красноватой каймой. Розовые пятна причудливым узором отходили от нее на десятки метров, заполняя ямы и впадины равнины.

— Вот это я хотел увидеть больше всего в жизни, — сказал Петр Громов.

— Не знаю, сэр, что вы хотели, но я уже вижу, и, к счастью, на этой стороне, именно то, что по сердцу всякому, живущему в кредит.

Аникин удивленно наблюдал, как Том Говдин поспешно насыпал пирамидку камней.

— Что это ты? — заинтересовался он. Вам! Спасательная экспедиция, топливо — все за мой счет.

— На котором лишь прожитые годы? — Все они не стоят последнего часа. Теперь на счете приник имени невесты.

— Вот как? — заинтересовался Эллен.

— Золотых слитков не меньше, чем в Нью-Йорке религиозных сект. Заберите сколько хотите самородков. Охэй! Приник мой!

Аникин брал из рук Говдина темнотерновые, оструганные слитки с пятнами слезавшей пыли в углублениях и возвращал их ему. Скоро тот уже не знал, куда их девать, заполнив карманы скафандра.

— Как у старых гаубиц, — заметил Аникин.

— Так и думал. Будем насыпать трамплин. — решил Петр Громов. — А удар? — и он посмотрел на Наташу.

Она смуглась: — Здравствуйте, Петр Сергеевич. Простите, я совсем вымокла. Математическая машина сейчас заново проверяет все узлы на удар.

— Спасибо, Наташа, — сказал Петр Громов и командовал: — За работу, друзья!

Наташа долго наблюдала через

— На Луне, — сказал Аникин, — железный гвоздь, привезенный с Земли, становится золотым. По цене... Твои самородки, доставленные с Луны, обойдутся на Земле не дешевле искусственных изотопов золота.

Говдин не слушал. Он что-то написал на бумажке и положил ее на вершину горки.

— Не придавливай, — посоветовал Аникин. — И так пролежит тысячелетия, дождем не вымочит, ветром не сдует.

— Записку можно предъявить и раньше, — сказал Говдин и вынул бумажку из-под камня, протянул ее Эллен.

Эллен прочла, нахмурилась и молча возвратила.

— В ракете... я выдумал невесту, — буркнул Говдин.

Озабоченная Эллен подошла к Петру Громову: — Командор. Трещина — это страшно.

— Вы так считаете? — покосился на нее Петр Громов.

— А как вы думаете, чьим именем назван приник?

Петр Громов пристально посмотрел на Эллен: — Опасаетесь всяческих трещин?

Эллен посмотрела не на трещину, а на бумажку в камнях, на которой было написано: «Приник Эллен».

— Объяснение было не лишено оригинальности, — сказала она.

— Что там вам объясняют, Эль? — тревожно спросил Говдин.

— Вред трещин, — ответила Эллен. — Трещину нужно преодолеть.

— Внушительно произнес Петр Громов. — К черту, командор! Головой рискую бедняка, а сейчас вы имеете дело с богатым человеком, жизнь которого в Америке принято оберегать частными детективами.

— Мы рискуем не вашей жизнью, Говдин, а танкеткой.

— Жалею, что она пуста. Танкетка приближалась к краю трещины, отбрасывая манипулятором купюры самородки. За полусферой виднелся Евгений.

— Начасно золотом бросаешься, — заметил Петр Громов. — Тяжелые камни пригодятся для трамплина.

— Это не щедрая смертница с электрического стула? — заинтересовался Говдин.

— Нет. Трезвый расчет, — ответил Петр Сергеевич.

— Наташа уже побежала в соседний корпус, — сказал Евгений. — На дворе ливень. А она в чем была выскочила. Электронно-математическая машина сейчас высчитает скорость разбега, угол взлета, силу удара...

Эллен восхищенно смотрела на Евгения: — И вы прыгаете?

— Даже если бы находился в кабине, — ответил он.

Через пять минут в полусфере танкетки явлом с Евгением появилась голова Наташи. Мокрые волосы свисали на плечи прямыми, на озабоченном лице виднелись капли дождя. Она тяжело дышала.

Евгений взял у нее перфорированную карточку.

— Ну как? — спросил Петр Сергеевич.

Евгений посмотрел отсутствующим взглядом на брата, потом обернулся к горному склону, словно оценивая его: — Может быть, с него удастся разбежаться. Скорость нужна не ниже ста сорока трех километров в час. Угол взлета — 45 градусов.

— Как у старых гаубиц, — заметил Аникин.

— Так и думал. Будем насыпать трамплин. — решил Петр Громов. — А удар? — и он посмотрел на Наташу.

Она смуглась: — Здравствуйте, Петр Сергеевич. Простите, я совсем вымокла. Математическая машина сейчас заново проверяет все узлы на удар.

— Спасибо, Наташа, — сказал Петр Громов и командовал: — За работу, друзья!

Наташа долго наблюдала через

приоткрытую дверь макета танкетки, как люди на Луне поднимали огромные камни и возводили каменный трамплин, похожий на снежную катушку для детей.

Танкетка приволокла в железных руках глыбу камня, которая не уступала постаменту памятника Петру I в Ленинграде. Ее положили у самого края пропасти.

Трамплин был готов.

Поблудневшая Эллен наблюдала, как танкетка, примеряясь, заезжала на насыпанную крутую каменную горку. Трамплин обрывался на краю трещины. Эллен с сомнением измерила глазами расстояние до противоположного края. Трудно было поверить, что машина долетит до него.

Петр Громов угадал ее мысли. Он сказал: — На Земле лава вулканов, выброшенная из кратера, тут же стает по склонам. На Луне тяжесть меньше, и лава пролетала над поверхностью десятки километров, образуя кольцевые хребты цирков.

— Ну, это еще не доказано! — запротестовал Аникин.

— Сейчас убедитесь. Евгений с танкеткой уползет вылетающей из жерла вулкана каменной глыбе.

Танкетка забралась высоко на горный склон и замерла там, словно не решалась ринуться вниз.

В шлемофонах ощущались шорохи, похожие на шум дождя. Они доносились с Земли, из лаборатории дальнеуправления, в которой было открыто окно.

Но вот танкетка двинулась, помчалась, подпрыгивая на камнях, кренясь то в одну, то в другую сторону. Бег ее все ускорялся, она уже пролетала по десятку метров над камнями, снова касалась их и вновь взлетала, готовая оторваться от поверхности. Нужно было обладать феноменально быстрой реакцией и точной интуицией, чтобы рассчитать на три секунды раньше толчки и повороты танкетки. Ведь Евгений видел все с опозданием на полторы секунды и столько же тратилось на то, чтобы его команда достигла аппаратов танкетки...

Совершенно беззвучно, подпрыгивая и грохочая на шум дождя, танкетка подлетела к трамплину, задела его одной гусеницей, накренилась и вдруг вывернулась, но не опрокинулась, оказалась на узкой взбегавшей дорожке. Еще мгновение — и она, устремляясь носом к взводному небу, сорвалась с вертикального обрыва и, как по воздуху, которого нет на Луне, подобно выпущенному снаряду, полетела над мрачной пропастью.

За ней змеялась веревка...

Танкетка достигла высшей точки полета и стала падать в пропасть. Для тех, кто смотрел сверху, казалось невозможным, что она долетит до другого края.

Эллен вскрикнула и отвернулась.

— Ох, черт возьми! — простонал Том Говдин.

— Есть! — крикнул Аникин. — Ну и молодец!

Танкетка пробежала несколько метров по камням и остановилась.

Петр Громов обнял Эллен за плечи. Аникин и Говдин стали высчитывать провисшую через пропасть веревку. Другой ее конец был так далеко, что казался светящейся ниточкой на фоне черного провала, глубину которого невозможно было даже представить.

— Не удивлюсь, — тихо сказал Петр Громов, — если здесь можно почувствовать дыхание еще не остывшей планеты.

— Вы хотите сказать, что там, куда мы сорвались, — не просто холодная глыба, а расплавленная магма? — подняла на него глаза Эллен.

— Я знаю, что это за красные пятна на той стороне! Если бы я мог перепрыгнуть, как танкетка, я был бы уже там. Мы переправимся с вами вместе первыми...

— В вагончике канатной дороги над Ннагарой мне казалось, что я сорвусь. Внизу были пенные струи, как на мраморе.

— Канатная дорога готова, — отозвался Аникин. — Только вместо вагона — крюк.

Натянутая между трамплином и танкеткой веревка шла круто вниз, провисая над черным проемом.

Громов решительно подошел к трамплину.

— Аленушка! — неожиданно ласково позвал он Эллен.

Эллен подняла брови, удивилась и покорно подошла. Том Говдин дотронулся до руки командора: — Обязан вам жизнью. Сейчас речь о большем.

Громов кивнул. Аникин надел на веревку крюк и приспособил к нему веревочную петлю, в которую можно было вдеть одну ногу, как на гигантских стагах. Потом накрутил на канат вторую веревочную петлю для торможения.

Петр Громов скрепил свой пояс с поясом Эллен.

(Продолжение следует).

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Том Годвин хотел было попрощаться с Эллен, но Громов так свирепо взглянул на него, что он отступил. Анникин вел себя так, словно ничего особенного не происходит.

Вниз по канату спользнули две тесно обнявшиеся фигурки. Скафандры казались ослепительными на фоне черноты провала.

Эллен не хотела смотреть вниз, но она не простила бы себе, если бы не взглянула.

В бездне густела неимоверная чернота, как в космическом небе, даже еще темнее, потому что не было звезд. Впрочем, если не звезды, то что же светилось там, в глубине? Или это причудливые головокругления?

Нет! У Эллен не кружилась голова. Она упивалась свободным полетом, не чувствовала собственного веса, не замечала поддерживавшей ее веревки. Рядом был могучий человек, для которого она была легче пушинки и который заставлял ее летать... и она летала... Это было самое острое, самое невозможное ощущение... Нет! Наслаждение!.. Какое бывает во сне, когда одного усилия воли достаточно, чтобы оторваться от земли, взмыть над миром, парить, торжествовать!

Движение стало замедляться, полет прекратился. Громов уперся ногами в камни и помог Эллен встать. Он легко приподнял ее одной левой рукой.

Продолжение. Начало см. в номерах от 19, 18, 20, 23, 27 декабря 1959 г. и 6, 10, 13, 20, 24, 27, 31 января и 3 февраля 1960 г.

— Мы летали, — слабо сказала она. Громов опустился на колени, снимая с камня странной красноватый налет.

— Жизнь! Слышите, Аленушка, это жизнь!

Он растерял что-то, подобное плесени, на перчатке.

— Жизнь? — удивилась Эллен. — А это? — и она указала на беспомощно растелившуюся на камнях гусеницу.

Петр Громов выпрямился. Только сейчас он увидел страшную аварию, которая произошла с танкеткой при ударе. Глаза его тревожно сузились, но на губах еще застыла торжествующая улыбка ученого, открывшего жизнь на Луне.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Пещера сокровищ

ПЕРВЫЕ люди на Луне молча толпились над разбитой машиной. Полушара стала молочно-белой. Изображения на ней не было. Танкетка казалась пустой.

Анникин и Петр Громов определили повреждения. Повреался гусеница, лопнул поддерживающий ролик. Были оборваны в радиосхеме телевизионного устройства. Нужно было восстановить и питание аккумуляторов от солнечных батарей. Часть полупроводниковых элементов должна была быть на солнце, а часть в тени. Перепад температуры более ста градусов обеспечивал большую мощность. От удара щиток, создававший тень, отлетел и потерялся.

Эллен все дальше удалялась от танкетки, стараясь разыскать щиток.

Она ходила по красным пятнам «лунного леса». Лунный лес, как назвала его Эллен, выглядел ржавчиной на камнях. Рассмотреть эту плесень можно было лишь в микроскоп. Может быть, это были мельчайшие грибки.

Танкетка уже не двинется, экспедиция останется здесь. Это и лучше, стоит ли уходить от приска невесты? Пусть уж лучше сюда прилетит большая ракета с Земли. Можно будет больше увезти самородков. Нет куда без добра.

Все это Годвин сказал Эллен, догнав ее.

— Боюсь, что вы плохо знаете, Том, командора, — задумчиво ответила она. — Он нашел здесь лунный лес и лунный ветер. Найдет и вулканы.

— Вулканы еще туда-сюда... Но вертер?..

— А что вы думаете? Почему равнина у трещины гладкая, глянцевиная и без пыли? Через трещину из глубин планеты вырываются углекислые газы. Они питают эту жалкую растительность. Они, растекаясь по равнине моря, сметали с нее пыль.

— У вас это здорово получается, Эль. Вы — прекрасная ученица.

— Вы так думаете, Том?

Эллен и Годвин нашли щиток и принесли его к танкетке.

Анникин уже устранил повреждение в схеме, и танкетка теперь не была пуста.

— Как вы поживаете, мистер Громов? — приветствовал Евгения Годвин.

— Вы снова здесь, чтобы доказать необходимость присутствия людей на Луне?

— Без вашей помощи не двинусь, — признался Евгений.

— Скажи об этом матери, — попросил Петр Громов. — Скажи, что мы друг без друга — никуда.

Подожел Анникин:

— Все ясно. На день работы — не меньше.

— Мы не можем терять целый день, — решительно сказал Петр Громов.

— До лунной ночи их не так много. Мы должны идти дальше. Анникин останется ремонтировать танкетку.

— Как? — ужаснулась Эллен. — Идти без танкетки?

— Годвин пометет запасной баллон кислорода. Танкетка через сутки догонит нас.

— Вам мало сделанных открытий?

— Открытия еще идут нас.

— Вы ненасытны, командор... Вы слишком сильны, чтобы идти с вами рядом.

— Я понесу вас на плече.

Том Годвин согласился неохотно. Командор посадил Эллен к себе на плечо, Годвин же встал на плечо кислородный баллон.

Эллен часто оглядывалась назад. Какой близкий, оназывается, на Луне го-

ризонт, как скоро скрылась за его выпуклостью танкетка с фигуркой вознегоса около нее Анникина.

— Жизнь на Луне допускали многие ученые, — говорил Петр Громов. — Даже с Земли на лунном диске вблизи некоторых трещин замечалось изменение цвета поверхности. Жизнь удивительно пепка. Она существует в самых невероятных условиях: в стратосфере и в глубине океана, в Антарктиде и в земле без доступа кислорода. Я собрал лунную плесень в пробирку.

— Вы знаете, командор, я уже люблю Луну. Кто солгал, что природа ее однообразна?

После нескольких часов пути равнина моря не напоминала уже больше ни застывшие каменные волны, ни расплывшийся шлак. Она была покрыта круглыми холмами, похожими на вздувшиеся пузыри. Кое-где пузыри прорвались, и их края в миниатюре напоминали лунные цирки.

— Может быть, и цирки образовались когда-то так же? — сказала Эллен. — Я представляю себе клокозую поверхность планеты. Вздуваются исполнительные пузыри, лопаются, взрывом взлетает газ, а по кромкам пузыря остаются кольцевые горные хребты.

— Расскажите это все Анникину, Аленушка. Самой большой научной ошибкой бывает попытка все объяснять единой причиной. Метеориты, так уж одни метеориты... Вулканы, так уж только одни вулканы... На структуру лунной поверхности влияет множество причин. В том числе и газовые пузыри. Кстати, Годвин, я прошу вас, будьте осторожны, поднимаемся на вздуствие.

— К черту, командор! Я не хочу ограничиваться только присказками. Если мисс Кенни открыла на Луне газовые пузыри, то позволить уж мне попллаться на макушке одного из них.

Эллен и Громов увидели, что Годвин со своей ношей стал взбираться на пологую вздуствие. Из-под его ног стали разбегаться трещины.

— Осторожно! — крикнул Громов. — Проваливайтесь!..

Годвин и сам почувствовал, что почва колеблется. Инстинктивно он сбросил тяжесть. Кислородный баллон упал на корку пузыря и пробил ее. Сверкнули черные трещины. Из них стал подниматься оранжевый дым.

Спохватившийся Годвин встал на колени, протягивая к баллону руки.

Громов спустил Эллен на камни.

Баллон исчез в зияющей дыре. Желтое облако вырвалось из отверстия и окутало Годвина.

— Том! Ложитесь и не шевелитесь! Ползу с веревкой.

Желтая дымка рассеивалась медленно.

Эллен в ужасе стояла у основания холма. Командор полз по-пластунски к едва видневшемуся на вершине Годвину.

Но командор весил слишком много даже для Луны. За ним оставался след разбегающихся зигзагообразных трещин.

— Черт возьми! — сдавленным голосом сказал Годвин. — Как бы достать снизу этот дьявольский баллон. Я тот спуститься за ним на веревке.

— Не шевелитесь, — командовал Громов.

Он почти добрался до Годвина и бросил ему конец веревки. Но корка была слишком тонкой. Она провалилась...

— Боже! — крикнула Эллен.

— Стойте! Не подходите! — крикнул ей Громов.

И Громов и Годвин провалились по пояс, едва удерживаясь, распластав руки. Корка осела.

— СОС! СОС! — в отчаянии кричала в шлемофон Эллен. — Ваня! Мираж! Несчастье! Они проваливаются. Скорее на помощь! Вы слышите меня? На помощь, на помощь!

Анникин слышал ее голос. Он вскочил и обменялся взглядами с Евгением. Евгений подал ему манипулятором брошенный молоток.

— Чинить солнечную батарею не будем. Склепай хотя бы гусеницу, — сказал он. — Скорей!

(Продолжение следует).

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Эллен видела зияющую дыру на вершине вздутой. Ни Громова, ни Годвина на поверхности больше не было. Эллен легла на живот и стала медленно подползать к краю провала.

Она была легче мужчин, и корка держала ее. Она добралась до рваного края. За ним была черная пустота. Эллен заглянула вниз:

— Командор! Том! Отзовитесь! — Аленушка! Не подползай! Поберегись!.. На Земле мы бы разбились...

— Зацепилась за выступ, — донесся голос Годвина. — Баллон погиб. Отсюда не выберешься. Скоро конец. Эль!

Из глубины, образованной газовым пузырем пещеры, был виден круг черного звездного неба, а на нем светлое пятнышко шлема скафандра.

— Простить меня, командор, знаю, нельзя, но... так уж принято перед концом.

— виноват скорее я, Том. Нельзя было уходить от танкетки. Кислорода хватит на несколько часов.

— Будем считать, что похороны состоялись. Дым салюта печально лег на землю. Тела опустались в заготовленную яму. А давно она была для нас заготовлена, командор?

— Думаю, что миллионы лет. У нас есть достаточно времени, чтобы изучить ее. — Громов зажмет электрический фонарик, и тогда пещера засверкала разноцветными кристаллами, сплошь покрытыми ее стены.

Том Годвин даже присвистнул:

— Недурная штукалочка!

— Еще одна научная находка. Что это у вас в руке?

— Наверное, алмаз. Прозрачен, как слеза, которую никто из-за меня не прольет. Черт возьми, командор! Лунный алмаз тае в руках, как моя надежда...

— Подождите, Годвин! Вы сделали бесценное открытие! Это лед... Искупаемая вода!.. Аленушка! Вы слышите там, наверху? Здесь вода.

— Ваня торопится! Он скоро выедет. Не падайте духом, — послышался в шлемофонах голос Эллен.

— Духом мы не упадем, лишь бы не свалились вниз телом, — отозвался Громов, освещая дно пещеры. — Стойте! Что это там за лужа? Вода? Но почему она черная!.. Том! Скорее! Помогите мне, пока жидкость не испарилась.

— Черт возьми, командор! Нужно думать о спасении души, о Земле хотя бы, а вы...

— Я думаю о Земле, Том! О сокровищах Земли.

— Как так? — удивился Годвин, помогая командору спускаться по отвесной стене, усыпанной иглами самоцветных кристаллов.

— Здесь когда-то кристаллизовались пары магмы, — говорил Громов.

— Вы удивительный человек, командор. С вами не затоскуешь и в чистилище.

— Том! Аленушка! Я успел взять жидкость в пробирку! Если это то, что я думаю, то люди открыли на Земле бесценные сокровища.

— Ваня сейчас выезжает! — кричала сверху Эллен.

— Передайте... когда бы ни добралась... обязательно... непременно пусть возьмут у меня эту пробирку. Очень важно.

Эллен плакала. Она передала по радио странный приказ командора.

Ангиня с силой ударила в последний раз молотком и отбросила его в сторону:

— Ну, Евгений, теперь все от тебя!.. У них скоро не останется кислорода... Танкетка рванулась с места, присев на заднюю часть гусеницы. Она помчалась по камням, словно разбегающаяся нового прыжка.

Эллен первая почувствовала нехватку кислорода. Она лежала у края провала и все смотрела вниз, в темноту.

Командор запретил ей говорить, советовать уснуть. Во сне меньше расходуется кислорода.

Она лежала и думала... О Евгении и о командоре... и еще о Томе. Ей казалось все таким странным, как во сне... Ведь она должна была спать... В висках стучало. Она действительно скоро уснет. И совсем это не страшно.

Танкетка мчалась по следам людей. Здесь уже не мели лунные ветры, и это, как и в других местах, лежал миллионы лет.

Ангиня стоял, нагнувшись вперед, подталкивая рукой полусферу, словно мог ускорить бег машины.

И вдруг машина остановилась... Она бесшумно пробежала несколько метров и застыла, накренившись на камне.

Ангиня соскочил:

— Что? Толкнули? — тревожно спросил он и вдруг увидел, что в полусфере нет изображения. Он бросился к проводам радиосхемы и вдруг понял... Он упал на камни и зарыдал.

Евгений Громов распахнул дверцу макета танкетки и вихрем выскочил в лабораторию.

— Наташа! Наташа! — кричал он. — Где же ты, Наташа! Погибло все, все... Луна зашла за горизонт.

Наташа не было. Евгений не мог понять, как она могла оставить лабораторию в такую минуту. Он опустился на ступ, зажав руками голову.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ Кольцо дружбы

ПОД КРЫЛОМ самолета плыли прямоугольные разграфленные каналами поля. Страна трудолюбия, огороженная от моря дамбами, осыпанная каналами и насосными станциями, начавшими в море, уровень которого был выше крыш, казалась огромной шахматной доской.

Широкий канал натянутой лентой разделял поставленные рядом клетчатые доски. Пароходы и моторные баржи рассыпались по нему пятнами. Рядом тянулись линейки рельсов. Игрушечный поезд на них будто стоял. Параллельная полоска шоссе была усеяна автомобильчиками, а вереница велосипедистов на бетонной тропинке казалась цепочкой.

Резко к самому крылу вдруг поднялись домики с крутыми крышами, стали видны переборщенные с порога мостики, замелькали кроны редких деревьев. Самолет шел так низко, что должен был врезаться в забор.

Но заборов в Голландии не строят. Не было забора и у Амстердамского аэродрома, центрального узла западных воздушных путей. Джон Смит прекрасно знал это еще в пору, когда сам летал. Теперь он был... пассажиром. В последний раз на этот аэродром он сажал самолет трансатлантической линии вместе со вторым пилотом Томом Годвином, который бродит теперь где-то по Луне, а тогда, готовясь к космическим полетам, проходил практику на современных реактивных самолетах.

Здесь в ресторане для экипажей составляли проводы Джона Смита. Он сидел на высоком табурете у стойки рядом с Томом Годвином и отчески поглядывая на тоненьких, затянутых в форменные костюмы девушек, которые бегали с летного поля на игольчатых каблучках. А парни со всех линий — англичане, поляки, русские, немцы, французы, чехи, шведы и, конечно, голландцы — в различных, но чем-то похожих формах подходили к Смиту, едва появлялись в ресторане, и чокались, опрыскивая вместе с ним стаканчик. Все они были здесь друзья; и польский летчик Казимир Нагурский, гордившийся своим родственником — первым русским полетчиком, и француз Лавено, истинный весельчак, и грузинский Гарберт Шварц, оказавшийся в свое время служить в военной авиации и даже отслуживший за это в Западной Германии, и иронический Джоуан Сомс, сын лондонского докера и поэт, наконец, эти советские парни, только что прилетевшие на обгоняющем время «ТУ». Все, все они знали друг друга, присаживались

за один столик и обменивались шутками и жалели старого Джона Смита, который заканчивал свой последний рейс.

— Нет, не последний, — толковал каждый Джон Смит. — Я еще полечу, вернее, вылету с места. Вот это и будет последний полет.

Летчики хохотали, тревожно поглядывая на старого летчика.

Трудно будет ему, многосемейному, найти работу.

Тогда и сказал Том Годвин:

— Хэлло, Джон, не геранте всем душу, словно вас уже наняли на постоянную работу в ад. Я устрою вас в космопорт. Не хотите ли поддерживать со мной связь через космические беды, наполненные надеждами?

— О'кей! — сказал Джон Смит. — Это не хуже, чем просто выть на Луну.

На самом деле это оказалось почти одним и тем же. Джон Смит работал в радиорубке космопорта, но Годвина не слышал... Американская ракета «Колумб» разбилась о лунные скалы. Том Годвин и эта молодчина Конни, потучившая во всем мире провинце Космической Эллен, прыгнули к русским и все вместе, бросив русскую ракету с радиоаппаратурой, отправились пересекать лунный диск!.. А связь с Землей поддерживали через телеуправляемую танкетку только в те часы, когда Луну было видно в Москве.

Джон Смит чувствовал, что даром ест хлеб и имеет все шансы вылететь с места. Однако не только забота о себе и семье привела его на Амстердамский аэродром. Ему казалось очень важным поддерживать с Лунной связью кругосветочно. Многие газеты хорошо бы заплатили, чтобы получить корреспонденции от Космической Эллен и на худой конец от Тома Годвина непосредственно, а не через русских.

За окном самолета замелькали бетонные плиты. Негр Джонсон недурно садил самолет. Смит всегда считал, что эти черные ребята на многое способны.

Пассажирам не полагалось ходить по летному полю, они должны были сесть в автобус, смешной и необычный. Его кузов почти касался дном бетонных плит, сзади опирался на колеса, а впереди на моторную тележку, которая как угодно поворачивалась под ним и возила не только его, но и бензодвигатель.

Джон Смит с удовольствием накрутил правела и шел в ресторан экипажей вместе с Джонсоном пешком.

Джонсон был гигантского роста. Джон Смит не уступал ему в ширине плеч, но ростом был вдвое ниже. Словом, он не стал бы выставлять свою фигуру на конкурс красоты.

Впервые входил Джон Смит в знакомый ресторан, одетый в сидящий мешком штатский костюм.

Но его узнали, стали подниматься от разных столиков, звали выпить стаканчик.

И все говорили о Томе Годвине. Вот это пареню, он нашел себе на Луне подходящую компанию! Черт возьми, если бы нужно было послать на Луну целую армию раиет, недостатка в пилотах наверняка не было бы.

Он сидел вот на этом табурете у стойки, — говорил Джон Смит, — а я не могу с ним даже говорить, хоть он специально для этого устроил меня в космопорт. Когда из Америки видно Луну, то сопровождающая Тома танкетка глохнет, как старый джентльмен, у которого просят взымки.

— Нужен толчок погромче? — спросил грузин Шварц.

Джон Смит сделал в воздухе неопределенный жест:

— Если бы все парни захотели... А я понимаю вас, Смит, — сказал Казимир Нагурский. — Поднять в воздух антенны, наладить регистранцию?

— О'кей! — воскликнул Джон Смит. — Именно это я и думал.

— Если бы генералы приказали вместо атомных бомб брать антенны и паруллировать с ними в воздухе, все было бы в порядке, — заметил Джоуан Сомс.

— А не у нас ли за спиной жезлы маршалов авиации? — заметил Жан Лавено.

— Самовольно подняться в небо и крутить там? — осведомился Шварц. (Продолжение следует)

ЛАВЕНИО не успел ответить. С легкого поля вбежала взволнованная голландка в сером, перетянтом в поясе костюме и в сбившемся берете.

— Джентльмены! — крикнула она. — Москва!.

Все насторожились.
— Москва... О Луне... Телефонный вызов... Всем вам... Выключаю репродуктор.

В репродукторе зазвучал женский голос. Казимир Нагурский и Жак Лавенио переводили с русского на английский язык.

— ...положение почти безнадежное. Советское правительство еще вчера обратилось по дипломатическим каналам, а ждать уже нельзя. Они погибнут.

— Кто? Кто? — слышалось в зале.

— Петр Громов и Том Годвин... и Эллен Кеини. Все они задыхаются, а танкетка не может доставить им кислород. Луна зашла в Москве за горизонт.

— А что я говорю! — в отчаянии крикнул Джон Смит.

— Тише! — громовым голосом потребовал негр Джонсон.

— ...спасти их еще возможно. Если бы каждый вылетающий самолет нес на себе антенну...

— Блестяще! — не выдержал Жак Лавенио. — Именно каждый!

— ...весь мир фактически был бы опоясан каблом антенны.

— Каблом дружбы, — вставил Джонан Сомс.

— Так ведь что я и хотел предложить! — сказал Джон Смит. — Ведь если бы все парни...

— Друзья! Я говорю прямо из лаборатории, — взволнованно продолжала Наташа. — От вас зависит спасение первых исследователей Луны...

ПЕРВЫЕ исследователи Луны задышались...

Сознание у Громова помутилось. Хотелось сорвать колпачи шлемов, разорвать на груди скафандр...

Продолжение. Начало см. в номерах от 13, 16, 20, 23, 27 декабря 1959 г. и 6, 10, 13, 20, 24, 27 31 января, 3, 7 и 10 февраля 1960 г.

Александр КАЗАНЦЕВ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Эллен потеряла сознание. Она лежала около провала и словно спала, положив под шлем руку. Ведь командор приказал ей уснуть...

Танкетка, беспомощно накренившись на камне, стояла среди пустынных лунных скал. Вокруг никого не было...

Аникин давно скрылся за утесами. Он бежал, держа баллон на плече. При каждом шаге он взвизывал над поверхностью, пролетал два — три десятка метров, едва касаясь ногой камня, отталкивался и снова взмывал...

Петр Сергеевич не позволял прыгать на Луне, боясь неожиданностей. Теперь Аникин мог не считаться с запретом. Все решала скорость. Он не бежал, а летел, лишь изредка касаясь ногой камней. Такое чувство полета бывает лишь во сне!.. Вместе с баллоном он весил едва треть того, что весил на Земле. Хорошо натренированные мускулы спортсмена как нельзя более нужны были сейчас. Что-то подобное он испытывал на пружинной сетке, подбрасывавшей его в тренировочном зале. На ней он привык владеть телом в прыжке.

Редкий спортсмен может бежать в течение часа. В висках у Вани стучало, не хватало кислорода.

Прыжки становились все короче, ноги не повиновались. Казалось, после следующего шага он упадет и не встанет. И Вани упал. Острая боль огляла но-

гу. Он застонал и стиснул зубы. Ведь его могут услышать в шлемофон!.. Он поднялся, хотел еще раз прыгнуть, но снова упал.

Встать он уже не мог, но не остановился, пополз, влоча кислородный баллон, с трудом перебираясь через трещины.

Надежды не было. Вышло лишь тупое упорство, невыключенная воля и тревога за дорогих и близких людей...

На слое тысячелетней пыли оставался извилистый след. На миллионы лет сохранится эта странная запись первой лунной трагедии...

На Луне нет звука, на ней не может быть звуков!.. Что это? Галлюцинация? Или так сердце стучит? В висках шумит! А этот грохот?

Это ж по камням звук передается!.. И вдруг что-то промелькнуло мимо ползущего Аникина.

Не веря глазам, он смотрел вслед мчащейся танкетке, за которой поднималась медленно оседающая пыль.

Ужас сковал Аникина, сердце словно остановилось, перед глазами пошли круги... Танкетка промчалась мимо.

Аникин поднялся на колени и закричал... Но кричал он уже от радости, еще ничего не понимая, но ликуя:

— Ями, ями! Гони! Успеешь! Эх, молодец!..

Он видел, как танкетка взлетала на

воздух, перелетая над трещинами или подсканивая на неровностях.

В последний раз она подскочила, сверкнула на черном небе и исчезла уже за горизонтом.

КОГДА она подлетела к провалу, корня затрещала под ее гусеницами. Только быстрота могла предотвратить катастрофу. Железные руки на ходу подхватили лежащую неподвижно Эллен, оттащили ее от провала и стали присоединять баллон кислорода к дыхательному аппарату скафандра.

Евгений действовал быстро и четко. Никогда не ощущал он так этих бесконечных трех секунд, которые отделяли его мысль и команду от ее выполнения. Ему казалось, что манипуляторы не повинуются ему... Эллен пришла в себя.

— Аникин отстал... Надо спуститься... Вы сможете, Селена?

Эллен постаралась улыбнуться, но слишком велика была тревога. Она вскочила на ноги и хотела бежать к провалу. Евгений остановил ее.

Через минуту, привязанная за пояс, она нерешительно передвигала ноги, приближаясь к чернеющему проему.

Танкетка медленно двигалась за ней в отдалении. Укрепленная за ее передний крюк веревка все время оставалась натянутой.

Эллен бесстрашно бросилась в черную пропасть.

Танкетка так же медленно приближалась к ней.

Веревка ослабла... Танкетка остановилась...

Мучительно текли секунды.

Евгению казалось, что испортилась аппаратура, что она не передает больше движения. Все было мертво и недвижно на Луне...

Но вот веревка слабо натянулась.

Три секунды, три бесконечные секунды понаблюдав Евгению, чтобы танкетка выполняла его приказ, начала пятиться...

Переброшенная через край веревка прорезала в кромке углубление, превра-

тившееся в трещину. Эллен не показывалась, хотя танкетка дошла до нужного места... Корка нависла над Эллен!..

Но вот отвалился у края провала большой кусок корки, из проема высунулась рука...

Маленькая женщина выбралась. Почти с противоестественной силой вытянула она двух грузных мужчин.

Это можно было сделать только на Луне.

Танкетка стала пятиться, отаскивая всех троих от опасного места.

Волосы сплелись у Евгения на лбу, тенниска прилипла к спине...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Пена жизни

Аникин и Годвин возлились с баллоном. Петр Сергеевич сидел поодаль на камне и писал дневник.

На серых, покрытых слоем пыли камнях лежала темная масса. От нее тянулись шланг к баллону с надписью «Воздух».

Эллен наблюдала, как надувается резиновая палатка, в которую Аникин выпускал воздух. Том Годвин расправлял складки.

С камней стала вздыматься бесформенная масса, постепенно обретая нежизненные для дикого пейзажа формы земного дома.

Резиновая палатка не нуждалась ни в каких подпорах. Внутреннее давление наполненного ее воздуха заменяло балки, стропила, карниз и колонны. Среди лунных скал возник маленький домик с полусферической крышей, похожий на фургоны, только без колес. В нем были два целлулоидных окна и тамбур.

Петр Сергеевич встал и указал Эллен на баллон с водой:

— Сегодня у вас будет праздник, Алешушка.

— Я подумала и не нашла, как благодарить вас, командор.

— Что ж, друзья, войдем в дом. — предложил Петр Сергеевич. — Жаль, Жене придется остаться на улице.

Петр Громов взял Эллен за руку и ввел ее в тамбур воздушного шлюза. Дверь за ними закрылась. Он зажгел элентрический фонарик. Стали видны гармошки сморщенных стен. Но они быстро расправлялись. Тамбур заполнялся воздухом.

(Продолжение следует)

НАКОНЕЦ Громов с улыбкой посмотрел на Эллен и легко открыл дверь в домик.

Он вошел в небольшую комнатку и с облегченным снял шлем скафандра, потому помог освободиться от шлема и Эллен.

Счастливая и растерянная, она оглядывалась. Резиновые стенки словно состояли из отдельных подушечек, напоминающая стеганое одеяло. Посередине тумбой возвышался надувной столик с алюминиевым верхом. По обе стороны его, как на железнодорожном куте, поднялись надутые воздухом резиновые диваны.

Эллен несколько раз вдохнула в себя воздух:

— Как на Земле! Как на Земле! — сказала она и вдруг заплакала.

Открылась дверь, и один за другим в дом вошли Анникин и Том Годвин.

Эллен засуетилась у стола:

— Что вы подумаете, — говорила она, — в первый раз мы побеждаем без этих противных резиновых трубок, через которые приходилось сосать питательную кашину. Но прежде я должна воспользоваться сокровищем, которое презентовал мне командор.

Том Годвин сел за стол и, совершенно подавленный земной обстановкой, сжал голову руками, поставив локти на стол. — Обедом займусь я, — предложил Анникин. — Поджарю филе соус мадера! А ты, Леночка, займись собой. Мы отвернулись.

Петр Громов расставлял на столе реактивы и две пробирки, одну с темной жидкостью, найденной на дне пещеры, другую с красноватой пелесью, соскобленной с камней.

— А знаете ли вы, что это за черная жидкость? — отозвался Петр Сергеевич. — Это нефть!

— Вода превосходнее! — бесечно засмеялась Эллен.

— Кристаллик воды тоже был найден на Луне. Но нефть!.. Да вы знаете ли, что это означает?.. Если нефть есть

Продолжение. Начало см. в номерах от 13, 16, 23, 24, 27 декабря 1959 г. и 8, 10, 13, 20, 24, 27, 31 января, 3, 7, 10 и 14 февраля 1960 года.

Александр КАЗАНЦЕВ

на таком космическом теле, как Луна, то...

— То нефть не биологического происхождения! — договорил за Громова Анникин.

— Вот именно. Пусть Луна и оторвалась когда-то от Земли, оставив выемку Великого океана, это было еще до поры, когда появилась жизнь на Земле. — Земля! — прервал Годвин. — У меня все внутри переворачивается, когда я слышу это слово.

— У многих сейчас перевернутся представления о ней. Нефть — это не остатки живых существ, как думали многие, а химическое соединение, образовавшееся при формировании земной коры. — ее жидкая составляющая наряду с водой. В глубине Земли можно найти океаны нефти. Чем глубже в Землю, тем ее будет все больше!.. Никогда не наступит нефтяной голод на Земле!..

— Слушайте, друзья, — продолжал Громов. — Эта лунная пелесь оказалась белковым веществом. Она наверняка питательна!

Он откинулся на спинку дивана и торжественно оглядел всех. Перед ним на столе, как трубки маленького органа, стояли ряды стеклянных пробирок с разноцветными светящимися реактивами, лежали стеклянные квадратные п-

мутневшими каплями и крупинками красноватого вещества.

Годвин снова охватил голову руками: — К черту! Я не двинусь дальше с места. Мы с мисс Кенни — американцы. Смысл жизни — в комфорте. Мы остаемся здесь.

— Годвин, тише, — остановил Петр Сергеевич. — Вы только посмотрите. Пелесь бурно реагирует на новые условия. Она поглощает углекислоту и, вероятно, даже азот!.. Она увеличивается в объеме на глазах. А что если перенести лунную пелесь на Землю? Вы только посмотрите, она поднимается, как на дрожжах!..

Годвин покосился на красноватую массу, занявшую уже часть стола.

— Черт возьми, «оно» пухнет, — проворчал он.

— Вы представляете, какие урожан белкового вещества можно получить, если перенести споры этой пелеси на Землю? Это необыкновенное наше открытие, друзья!.. Если мне посчастливится и я увижу с горного края «ту сторону» и вулкан, который нельзя разобратить на фотографиях, если докажу вулканическое происхождение лунных гор, то задача нашей экспедиции будет выполнена!

— Я пойду с вами, командор! — заявила Эллен.

— Вы же хотели остаться еще в ражете!.. — запротестовал Годвин.

— Нет, Аленушка, — мягко сказал Громов. — Никто не пойдет, кроме меня. Я получил такое указание из Москвы. Годвин прав. Вы все останетесь здесь. Нельзя рисковать всеми членами экспедиции, отрывать их от танкетки, от нашей базы, от связи с Землей. Вы подождете меня здесь.

Петр Громов восхищенно смотрел, как расплывается красноватая масса по столу, уже стекает с него на диван и на пол.

— Пена жизни! Как это необыкновенно красиво! Пена жизни! Всеобъемлющая жизнь! Она попала в лучшие условия, и вы космоторы, какая неотвратимая жадность роста. Живое соприкосновение!.. Им будет питаться скот, Земля. Еще Тимирязев мечтал о «хлебе из воздуха». Ведь в воздухе есть все материалы для создания питательных белков. И вот видите, где был скрыт механизм такого преобразования. На Луне!..

— Черт возьми, командор! Я бы не так восхищался этим дьявольским тестом. Оно растет, как банковский счет у Рокфеллера.

На столе творилось нечто невероятное. Эллен в ужасе смотрела, как вздымается, стечая на диваны и на пол, красноватая шевелящаяся пена. Она словно из невидимого крана вливалась в резиновую палатку, взбухал, заполняя собой все!..

— Лучше выбросить ее наружу, — предложил Анникин.

Он и Годвин стали сгребать живую пену и выбрасывать через открытую дверь в шлюз. Эллен брела безглыбного колебания присоединилась к ним. Основную массу удалось удалить, закрыв в тамбур дверь. Но оставшаяся пелесь, размазанная по столу и полу, вновь набухла, пузырьясь и шевелясь. Стало тяжелее дышать. Анникин добавлял воздуха, который расходовался на рост пены.

И пена сразу взбесилась, словно провала плотину. На полу уже некуда было ступить. Ноги утопали в ней по щиколотку.

— Придется отступить, — решил Петр Сергеевич. — Это будет самое приятное отступление, какое только можно себе представить. Какова сила жизни! Какова! Недаром находили микробы на метеоритах, лишенных всякой атмосферы, блуждавших в космосе!..

Годвин вдруг расхохотался: — Черт возьми, командор! Это веселое тесто привело меня в себя.

— Ничего, Годвин!.. Надевайте скафандры.

— Жаль покидать такой уютный коттедж! Но лунные туземцы выкивают нас отсюда, как англичан из Африки.

— Может быть, успеем победить по-человечески? — спросил Анникин. — У меня все готово.

— К вам на сковородку попала пелесь! — в ужасе всплеснула руками Эллен.

— Вот и прекрасно. Можно теперь попробовать, — сказал Петр Громов и неожиданно для всех подцепил со сковородки кусочек коричневой корки, в которую превратилась лунная пена жизни. Все в ужасе замерли.

— Может быть, коровам и свиньям понравится, — сказал он, поморщившись.

— Надо выпускать из палатки воздух, — предложил Годвин.

Анникин ткетно старался открыть дверь в шлюз. Очевидно, пена там слишком разрослась.

Люди уже с ногами забрались на диваны.

— Высаживать окно? — осведомился Анникин.

Спрашивать было уже поздно. Пена поднялась вровень с диванами. Петр Громов ударом ноги высадил окно. Стены домика сморщились, потолок навис. Громов помог Эллен первой выбраться наружу.

(Продолжение следует)

Александр КАЗАНЦЕВ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Огненный дождь

— Может быть, мне и не так интересно взглянуть на эту сторону Луны, — заявил Том Годвин. — Я ведь не угадал, что там лунные черты через какой-то кратер прорезывались преследующей. Но я не хочу попасть к ним на рога и иду с вами, командор.

Эллен пошла проводить исследователей в последний переход. Они шли втроем вдоль светлой полосы, которая тянулась по долине от самого горизонта и, словно нырнув в одном месте под серый пепел, поднималась круто по горному склону.

Это был один из тех таинственных лучей, над загадкой которого ломали головы ученые. Радиально расходясь от лунных цирков, лучи эти оказались полосами вулканических выбросов. Возвышаясь над остальной местностью, они поразительно напоминали исполинские железодорожные насыпи. Пузыристые, пористые, шлакообразные, более позднего происхождения, чем лунные моря, и потому не покрытые слоем метеоритной пыли, они казались с большого расстояния более светлыми.

— Что вы подумаете? — сказала Эллен. — Не могу побороть чувства, что это кем-то насыпано.

— Лунные города выгодно будет строить вдоль этих естественных насыпей, — отозвался Петр Сергеевич. — Их легко превратить в шоссе.

— Лунные города! — восхищенно повторила Эллен.

— Видите это нагромождение скал? продолжал Громов. — В середине их будет венчать купол, по бокам поднимутся малые купола, напоминающие восточные храмы. Это будет сказочный герметический город с искусственной атмосферой внутри. От него радиально разойдутся трубы оранжерей. В них обязательно разрастутся без оков земного тяготения земные растения. Как дозорные башни, поднимутся вокруг города мачты гелиостанций с исполинскими зеркалами. Самый верхний купол будет принад-

Продолжение. Начало см. в номерах от 13, 16, 20, 23, 27 декабря 1959 г. и 6, 10, 13, 20, 24, 27, 31 января, 3, 7, 10, 14 и 17 февраля 1960 года.

лежать «храму обсерватории». Оттуда жрецы-звездочеты не зная помех атмосферы, откроют науке вековые тайны соседних планет.

Петр Сергеевич остановился и крепко пожал руку Эллен:

— ...А теперь вам нужно вернуться.

— О кэй, Элы! Я тоже пошму вам руку!

— О, Том! Довольны ли вы, что обрели на Луне сестру?

— Сестра? Это, наверное, хорошо. У меня никогда не было сестры.

— На Луне можно очень много найти. Я думала, что мы здесь нашли Дон Кихота Космического, а ведь командор скорее Георгий Седов.

— Это, Алешушка, слишком высокий пример. Георгий Седов, даже умирая, приказывал матросам везти себя к Северному полюсу.

— Считайте меня своим матросом, командор, — сказал Том Годвин. — Слово «вперед» меня устраивает.

— Я завидую вам, Том! И я завидую вам, Георгий Седов! — Эллен обними руками тряхнула руки мужчине.

Эллен долго смотрела вслед уходящим. Они двигались осторожно, избегая прыжков. Их светлые силуэты становились все меньше и меньше.

Петр Сергеевич был мастером альпинизма. Он обладал прекрасной техникой восхождения, которая пригодилась ему сейчас.

На Луне подняться было и легче и труднее. Можно было совершать огромные прыжки, запрыгивая снизу на скалы, можно было взбираться на совершенно отвесные скалы, уцепившись пальцами за почти неощутимые шероховатости, но очень трудно было расставить свою силу и движения. Малейшая оплошность грозила гибелью.

Годвин, менее опытный в горном спорте, но сильный и отважный, старался не отставать от командора.

Преодолев особенно трудную кручу, Петр Громов бросил вниз веревку, и Годвин ловко взбирался по ней.

Пробираясь по узеньким канаркам над пропастью, они старались не смотреть в их непроглядную чистоту. Впрочем, любая тень казалась пропастью или провалом, хотя нога и могла свободно ступить на нее.

Остановившись передохнуть. Внизу раскинувшись горная страна острых скал, еще ниже простиралась равнина моря с круглыми, казавшимися полуостровами островами с подобием лагуны посредине каждого из них.

— Походит на отпечатки гигантских копыт, — сказал Годвин, — или на коралловые острова, которые я видел в Тихом океане.

— Острова, это верно. Но, конечно, не коралловые. Перед нами, Годвин, те же вулканы, те же образованные ими кольцевые горы, но только затопленные.

— Горы кольцами... Странно... Может быть, у лунных чертей действительно такие огромные копыта?

— Нет. Просто на Луне сила тяжести мала. И лава, выброшенная из кратера, разлеталась гигантской хризантемой.

— Недурной цветочек Вельзевула!

— Не соприкасаясь с отсутствующим воздухом, не теряя из-за этого тепла, которое расходовалось лишь на излучение, расплавленная лава падала кольцом. Она застыла и постепенно возвысилась вокруг вулкана, в десятке километров от него, кольцевой барьер, который в конце концов превращался в кольцевой горный хребет. На такой хребет, Годвин, мы сейчас и поднимаемся...

— А потом?

— А потом горная страна, состоящая из лунных цирков, при сжатии лунного шара опустится. Из раскаленных недр через образовавшиеся трещины поднимется расплавленная магма и затопит старые горы.

— Черт возьми, командор! Выходит, лунные цирки рождались и умирали.

— Как и все в природе, Годвин. Вы хорошо сказали. В огне рождались горы, в огне умирали, опускались в сверкающее море. Оно дышало здесь тектонической зыбью, золотистое, местами красное, все в фиолетовых блистах. Я живо представляю его себе. Пологие волны тяжело ударяли в подножия этих гор, сотрясая лунные утесы. Огненный прибор внизу рассыпался мириадами искр. Магма вгрызалась в скалы проплавленными глотами и тут же затвердела камнем. И базальтовым льдом покрылись все лунные моря, напоминая земные ледовитые океаны.

— Черт возьми, командор! Жаль, шлемофоны включены на ближний прием и мисс Кенни не слышит ваших слов. Прекрасная получилась бы корреспонденция.

— Когда будет нужно, Годвин, мы включим шлемофоны на дальнюю связь. Мы еще сверху сообщим Эллен, а она на Землю, что на «той стороне». Впрочем, не будем сейчас гадать. Уже близко.

— Я не знаю, что мы увидим на той стороне, командор, но на этой я уже вижу какую-то чертовщину. На Земле я всегда что-нибудь загадывал, когда падали звезды.

— Годвин! Кажется, пора включать шлемофоны на дальнюю связь!.. В черном небе летят звезды... Это капли лавы!.. Ради этого, опираясь на ум и труд

сотен тысяч человек, стоило оказаться на Луне!..

Как замороженные, смотрели исследователи на черное небо, где вспыхивали, проносясь, золотистые звездочки.

— Что-то не походит на хризантему...

— Это огненный дождь, Годвин.

Звездочки вспыхивали не только в небе, но во всех черных

провалах, какими казались тени ближних скал, на освещенных камнях, превращаясь в дымки. Капли шлепались и совсем неподалеку от исследователей.

— Как это прекрасно, Годвин! — радостно глядя Громов одну из них. — Она застывает на глазах! На миллиметр сделала выше скалу. Из миллиметров слагаются километры высоты!

Весь горный склон покрылся дымками.

— Железные зонтики пригодились бы. Я предпочел бы, командор, чтобы вы скрылись под каким-нибудь уступом.

— Да, да, Годвин! Вот здесь безопасно. Идите сюда. Давайте наблюдать. Хорошо, что я взял у Эллен кинокамеру! Великолепный получится фильм! Пусть его посмотрит академик Коваленков!

Петр Сергеевич увлеченно снимал, как падали огненные капли на камни, как рассыпались сверкающими фонтанчиками, особенно эффектными в непроглядной тени. Капли застывали шлаковыми наростами.

Громов переключил шлемофон:

Друзья! Алешушка Ваня! Нея!.. Лунный дождь!.. У нас на глазах растут камни, поднимаются горы лунного цирка!

— Мы слышим вас, командор! — издали донесся голос Эллен.

— Петр Сергеевич! Я шлю через Евгения радиogramму Коваленкову. Я даже рад, что вы правы, — слышался голос Анякина.

Огненный дождь усиливался. Лава не успевала застывать, огненные струйки она стекала вниз, подтекая под самые ноги стоявших в укрытии исследователей.

— Надо бежать, командор!..

Ручеек лавы образовал лужу, пенящуюся, всю в пузырьках. Она дымилась.

Громов и Годвин стали осторожно спускаться. Однако об осторожности пришлось забыть.

Струйки лавы стекали, казавшись, отвесно. Они забухали, сливались, превращались местами в огненные потоки. Ущелье казалось наиболее безопасным.

Держась за руки, бежали по нему лутники, прыгая по камням. И вдруг в тени стало совсем светло. Огненный поток, словно в погоне за беглецами, ринулся по ущелью.

— Плохо, командор! — едва выговорил Годвин.

— Великолепно, Годвин! Мы видим Луну, какой она была миллиард лет назад!

Ущелье кончилось. Исследователи выскочили из него, и тотчас оттуда вырвался огненный поток.

Петр Громов схватился за бок:

— Осторожно, Годвин! Кажется, капля прожгла мой костюм.

— Прячьтесь, командор! Вот сюда!

— Я зякал рукой!.. Бежим!

Громов, держась рукой за бедро, прихрамывая, стал прыгать с камня на камень, все больше отставая от Годвина. Заметив это, Том Годвин вернулся к нему.

— Воздух выходит!.. Бегите, Годвин!.. Возьмите кинокамеру!.. Не ждите!

И вдруг огненный поток обрушился сверкающим водопадом, разделив исследователей.

— Держитесь, командор! Я перепрыгну через поток. Не здесь, чуть повыше... Ждите меня.

Громов опустился на камень. Пальцы судорожно закручивали материал в поврежденном месте костюма.

Клубы дыма окутали его. Огненная масса, клокоча и пузырясь, неслась у его ног. Утечка воздуха давала себя знать. Громов чувствовал, что ему тяжелее дышать. Бедро, только что обожженное, теперь онемело от холода, проникшего в скафандр. Сознание помутилось... Он сделал конвульсивное движение свободной рукой, повалился на бок и поклялся по камням.

— Командор! Где вы? Халло! Халло!

Громов катился все ниже. Рука конвульсивно сжимала прореху скафандра. Лицо Петра Сергеевича покрылось потом.

— Годвин! Сюда! Спуститесь метров на...

Шлем ударился о камень, антенна погнулась, отломилась...

— Радуйтесь... Нужны металлические щипцы... Обязательно...

Громов шевелил губами, ему казалось, что он кричит... но его уже никто не мог слышать. Радио не работало.

Годвин сложил голову прыгал вниз. Остановился, задыхаясь.

— Ван! Элен! SOS! На помощь! — радовал Годвин. — Мы спустились почти к подножию... Крутом осып... Ищите нас!.. — Годвин кружил на месте, не зная, где искать командора. Обжевав камень, он вдруг наткнулся на Громова.

Годвин сразу понял, что случилось, оборвав антенну командора, закрутил ее проволочкой поврежденную материю костюма, потом взял огромное тело Громова на руки и побежал, прыгая по камням.

Кое-где вспыхивали в тени огненные фонтанчики.

(Продолжение следует)

Оба они лежали теперь рядом, обращенные лицами к краю земного шара, который уезжал полосу чуть выступал над зубчатой горной грядой.

Внизу в пепельном море вздымалось черное облако.

Танкетка билась из последних сил: гусеницы буксовали. Она все глубже погружалась в пепел.

Эллен и Аннини едва видели друг друга.

— Евгений круто повернул в сторону. — Куда вы? Вперед! Только вперед! — кричала Эллен.

Но Евгений не слышал ее. Эллен стояла. Пепел доставал ей до щиколоток.

Аннини сумрачно смотрел вперед. Пепел засасывал машину. Только верхняя часть полусферы еще оставалась над поверхностью.

— Прыгайте! Прыгайте! — почему-то кричал Евгений.

Аннини схватил Эллен за руку, дернул.

Эллен не понимала, что надо делать. Ах, вот что! Над пеплом возвышается скала. Но она слишком далеко... И танкетка перестала двигаться... Она тонет, тонет!

— Прыгай, Лена! Прыгай! — уговаривал Аннини.

Это был непостижимый прыжок. Они прыгнули вместе, держась друг за друга. Они пролетели сквозь серую тучу...

Скала плавно приблизилась снизу темным пятном, и они упали на нее. Эллен ушла.

Полусферы почти не было видно. Чуть выступавший над пеплом верх полусферы напоминал Эллен краешек земного диска, едва видимый над горизонтом. А потом...

Потом полусфера с Евгением исчезла. Пепел над ней сомкнулся.

Евгений Громов, почерневший, словно пепел действительно оседал на его лицо, высидел из манета танкетки, он никого не видел в лаборатории, хотя она была полна встревоженных людей.

Один из сотрудников протянул телефонную трубку:

— Междугородная. Город туристов. Академик.

Евгений вырвал трубку из рук. Широкий и приземистый автомобиль заносило на поворотах. Движение на шоссе прекратилось при звуках sireны.

— Пожар? Скорая помощь? Авария? — Голочный автомобиль несся, прижавшись к асфальту.

Евгений непроизвольно нагнулся, сидя рядом с гошником.

Перед ним были большие автомобильные часы.

«Разум» отлетал в 10 часов — 07 минут...

Ворота аэродрома были широко открыты. Голочный автомобиль несся уже по бетонным плитам.

Реактивная амфибия стояла освещенная прожекторами, напоминала стрелу с легким оперением.

Сирена гошника смогла. Завязжали тормоза.

Сверху протянулись руки. Евгений буквально взлетел и исчез в проеме двери.

Амфибия уже разбежалась... пролетела над забором... спрятала шасси...

Часы показывали 10 часов 07 минут. Волосы Евгения слиплись.

Девушка в белом халате протянула ему стакан. Он невидящим взглядом посмотрел на него, ощущая рукой и залпом осушил.

Потом откинулся на спинку сиденья. Часы показывали 10 часов 23 минуты.

Евгений знал, как никто другой, что трасса «Разума», скорость его, движение в каждой точке рассчитаны с предельной точностью. Никогда еще не вылетал с Земли такой гигант. Вылет его не смог задержаться ни на секунду.

Истукленно ревели за окном реактивные двигатели.

Девушка-врач пичкала Евгения напьями и кофе.

— Я знаю, что вы пережили, но от вас потребуется еще многое... — Часы показывали 10 часов 36 минут.

— Мы летим быстрее времени, — убеждала девушка-врач Евгения, словно он не знал этого. — быстрее, чем вращается земной шар...

Амфибия садилась прямо на горное озеро, грудью чайки разбивая блики лунной дорожки.

Луна стояла над самыми зубцами гор, и, словно целясь в нее, поднялось над контуром гор острие гигантской башины — ракеты...

Часы показывали снова 9 часов 49 минут...

(Продолжение следует)

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ Море

Отлет крупнейшего космического корабля «Разум» был назначен на этот памятный день в 10 часов 07 минут по среднеевропейскому времени.

Из сообщения ТАСС мир узнал о необыкновенных открытиях, сделанных на Луне, имеющих огромное значение для Земли.

Почему-то газеты печатали портреты лунных исследователей попарно: Эллен с Петром Громовым и Аннини с Томом Годвином.

Евгений показал Эллен одну из последних газет с портретами лунных путешественников, помеченных попарно...

И вдруг в шлемофоны ворвался голос Тома Годвина:

— Ван! Эллен! SOS! На помощь! — Ван! Эллен! SOS! На помощь!

Евгений судорожно крутил ручки аппаратуры, тешно пытаясь усилить звук:

— Кругом огонь... Ищите нас... — и голос Годвина оборвался.

— Ваня! — закричала Эллен. — Скорее! На танкетку!.. Боже! Я так не хотела их отпускать...

Аннини уже бежал от резиновой палатки.

— Что же вы стоите, мой Мираж? Скорее!.. Ведь могли же вы перепрыгнуть трещину!..

— Селена, поймите... Танкетка не может двигаться... Радиоосвязь неустойчива...

— Ах, еще одно техническое уравнение, которое не решается обычными людьми! — крикнула Эллен, соскочила с танкетки, на которую уже было взобралась, и побежала по следам командора и Годвина.³⁴

Аннини бросился за ней. С тревогой смотрел он, как взлетает вверх маленькая фигурка, как спускается, чтобы уже не подняться, но все-таки подпрыгивает снова и снова...

Аннини отставал. У него болела нога. — Лена, Лена! Осторожнее! — тешно звал он.

И вдруг мимо него промчалась танкетка. Она двигалась, как-то странно вилась, словно теряя управление и снова обретая его. Моторы работали на полную мощность, поднятая гусеницами пыль не оседала, и Аннини потерял Эллен из виду.

Тогда он, забыв про боль, помчался... Нет, полетел вслед за танкеткой, боясь отстать.

Танкетка ждала его. Эллен уже стояла на железном корпусе, опираясь рукой о полусферу.

Аннини вскопил и крикнул: — Гони! Жары! Молодец все-таки Женя!

Танкетка ринулась с места, но вдруг вильнула в сторону. Эллен свалилась на полусферу, а Аннини слетел на камни.

Танкетка со всего размаху удержалась носом в большой камень, разбив один из прожекторов. Она замерла, полусфера потускнела, изображение в ней исчезло. Эллен в отчаянии колотила по полусфере кулаками. И, словно поднимаясь ее во-

ле, снова появилось изображение Евгения. Танкетка ожила, попыталась. Аннини едва успел вскопичить на нее. Она рванулась и понеслась.

Светлая полоса, похожая на железнодорожное полотно, уходила вперед под пепел, появляясь снова лишь у самого подножия горного кряжа.

— Там пепел, Женя! Глубоко!.. Надо объезжать, — крикнул Аннини.

Танкетка круто повернула, пробежала несколько десятков метров и остановилась. Изображение в полусфере мерцало, то появляясь, то исчезая.

— Нельзя, Ваня. Радволны не продают.

Танкетка стала пятиться. Потом она попробовала объехать море пепла слева, но и там вскоре потеряла управление. Контур острых гор, почти целиком закрывший земной диск, напрозно оставил лишь узкую полосу, по которой еще могла двигаться танкетка.

И тогда Евгений решился. Не считаясь ни с чем, он направил танкетку прямо в пепел.

Танкетка влетела в море пепла с большой скоростью и... попытка по нему. Гусеницы бешено вертелись, вздымая черное облако, которое вслухало серым шаром, разливаясь туманом.

Но танкетка все же двигалась вперед к виднеющейся сквозь туман светлой полосе вулканических выбросов.

Лишь бы добраться до нее!

— Мой Мираж! Скорее!.. Скорее!..

И вдруг в шлемофонах снова прозвучал голос Годвина:

— Я несу командора. Скафандр прожгло. И я вижу вас, вижу... Вы не так далеко.

Том Годвин нес Громова, чувствуя, что плечо его «чоченет». Он выключил аварийное устройство, отключившее его шлем от скафандра. «Конечно, — думал он, — правую руку придется ампутировать, так же, как и ногу командора... Прогрело и у меня скафандр. Лишь бы добраться до железнодорожной насыпи, забраться на нее...»

И Том Годвина бежал. Рука его плетью болталась, перекинутое через левое плечо тело командора было жестким... Том Годвин не думал, что оно защищает его от смертельных огненных капель, он не знал, что они еще в нескольких местах прожгли скафандр Громова и космический холод ворвался под защитную одежду, а воздух вышел... Тело стало негнущимся...

И вдруг одеревенела у Годвина нога. Годвину показалось, что у него больше нет ее. Он не мог сделать ни шагу. Усиленным воли он заставил себя осторожно опуститься на камни и положить рядом с собой тело командора.

Круги плыли перед глазами Годвина. Сердце вместо того, чтобы бешено колотиться, билось все медленнее. Сначала оно молотом отдавало в висках, потом стало замирать, словно замерзая...

Почти равнодушно посмотрел он на свой поврежденный в нескольких местах скафандр. Потом взглянул в лицо командора.

— Какой был человек! — мысленно сказал Том Годвин, даже не подумав о себе. Его шлем скользнул по гладкой поверхности шлема командора и скатился на камни.

Продолжение. Начало см. в номерах от 13, 16, 20, 23, 27 декабря 1959 г. и 6, 10, 13, 20, 24, 27, 31 января, 3, 7, 10, 14, 17 и 24 февраля 1960 года.

нять ее не составит труда. И искусственно созданная на Луне вода заполнит водоемы под небом, которое станет синим, как у нас на юге. Лунный пепел, как вблизи Везувия, поможет создать здесь прекрасную, плодородную почву. На поверхности Луны разрастутся удивительные сады, даже леса с деревьями непостижимой высоты и красоты. Пере-

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Город куполов

Аникин, прихрамывая, несколько раз прошелся по окруженной пеплом скале, потом опустился рядом с Эллен. Если стрелы накаленный солнцем пепел, то на камне можно было сидеть.

— Они уже не ждут нас? — спросила Эллен, не повернув головы.

— Уже нет, — глухо отозвался Аникин. — Мы бы услышали их в шлемофоны.

Эллен не отрывала взгляда от теневой стороны гор, напротив которой они оказались. Тень была черной, как небо, отделяясь от него раскаленной крошкой скал.

— Негатив жизни, — задумчиво сказала Эллен.

Аникин молчал.

Эллен резко повернулась к нему:

— Почему я не пошла с ним? Я хочу видеть его! Они не сгорели, если их залило лавой?

— Сгореть они не могут. Здесь нет кислорода.

— Они влиты теперь в лунный камень, влиты навечно.

Ваня словно видел перед собой тяжелый базальтовый камень, подобный гранитному постаменту. И по груди в него вошли два первых лунопроходца, воочию видевшие, как растут камни, поднимаются горы...

— Прощаясь, Громов говорил о сказочном лунном городе, о куполах, венчающих скалы, о храмах науки здесь, в лунной пустыне.

Аникин встрепенулся:

— Город куполов? Очень удобно использовать вон ту грудку скал.

— Он так и говорил.

— Когда-нибудь до них будут добираться в просторном вагоне подвешенной дороги. И на этой равнине будут стоять матчи, железные, ажурные, на бетонных постаментках, но только далеко друг от друга. Канаты ведь здесь не порвутся. В подвешенных вагонах будет удобно. Неровности, трещины, все ничтожно...

— А он говорил о лунных шоссе, в которые переделают лучи вулканических выбросов.

— Будет и так, — согласился Аникин. — И вот мы проезжаем на подвешенной дороге или по бетонированному лучу. — И видим?..

— Прежде всего космодромы. Луна будет главной межпланетной станцией. Чтобы улететь с нее, скорость нужна

Продолжение. Начало см. в номерах от 13, 16, 20, 23, 27 декабря 1959 г. и 6, 10, 13, 20, 24, 27, 31 января, 3, 7, 10, 14, 17, 24 и 28 февраля 1960 года.

немногим больше двух километров в секунду. Они будут располагаться кустами по два — три и напоминать лунные цирки, только бетонные. На аренах вместо центрального пика вулкана будут возвышаться ракеты.

— Которые тоже подобны вулканам. Во время извержения они выбрасывают себя сами.

— Бетонная дорога пойдет по идеальной прямой луча. И мы проедем мимо рудников. Транспортные ленты будут выносить на поверхность ценнейшие руды. Их будут грузить в машины с герметическими стеллажными кабинками...

— В них будет не изображение?

— В них будут водители, которые и вечеру вернутся в свой город. И мы попадём вместе с ними в город, сначала въедем в воздушный шлюз. Закроются за нами толстые двери. Шлюз наполнится привычным земным воздухом...

— Как в нашем резиновом домике.

— Потом откроются внутренние ворота, и мы въедем на лунный вокзал. Нас встретят с цветами...

— Обожаю цветы! Но там?..

— Весь город будет окружен трубами оранжерей.

— Да. Он так и говорил.

— Это будут огромные прозрачные трубы, где по две недели, не заходя, будет светить солнце и буйно расти...

— Не лунная песенка, надеюсь?

— Нет! Она будет кормить скот на Земле. А на Луне в оранжереях будут расти преобразенные земные растения, дышащие особенно благоприятной для них атмосферой. Углекислоты, поступающей из города, будет в ней так много, что саловники и саловницы в легких купальных костюмах — ведь жарко! — будут все же в кислородных масках с залпленными баллончиками.

— Эх, Ваня. Ваня! О кислороде-то как раз и не надо было говорить.

— А в спортивных залах, где будут упражняться в необычайной ловкости лунные атлеты, кислорода будет даже больше нормального. А какие чудеса можно будет делать в гимнастических залах! Можно будет одному человеку держать пирамиду из двенадцати! И снизу запрыгнуть на самый верх.

— А город? Город...

— Он не будет копией земного. Дома упрутся в небо, в купол. И до купола достанут кроны деревьев, переросших своих земных предков. Дома-колонны будут словно сотканы из стекла и света, окруженные бегущими ручейками, где воду можно зачерпнуть рукой... Под главным куполом в самом центре будет выситься главное здание, как бы сложенное из стеклянных цилиндрических уступов, естественно переходящих в венчающую здание колонну, поддерживающую свод. Но люди не захотят жить всегда закрытые, закупоренные в лунных городах. Кто сдержит их там?

— Природа Луны, суровая и несправедливая...

— Человек может сделать все! История человеческого прогресса — это история овладения энергией. Ею владеет теперь человек, и он сделает невозможное. На Луне в лунных породах в связанном виде химических соединений есть и азот, и кислород, даже водород для воды. Человек, затратив энергию, освободит азот и кислород, и они в земной пропорции создадут вокруг Луны атмосферу с земным давлением. Она, конечно, будет улетаиваться, но попол-

несенные с Земли, они, не ощущая привычной для предшествующих поколений силы тяжести, разрастутся буйно. И на Луну станут прилетать люди Земли не только для работы на рудниках или в обсерваториях, на гелестанциях или космодромах. Люди Земли будут отдыхать здесь в сказочных условиях, не ощущая земного веса. Здесь чудесно излечается болезнь сердца. Сюда прилетят спортсмены для небывалых состязаний в скорости бега, в высоте прыжков, с шестом здесь можно будет перепрыгнуть двадцатизатяжный дом!.. Альпинисты столкнутся с увлекательными препятствиями, с зовущими к себе скалистыми вершинами, с неприступными пиками и возмущенными пропастинами... Человек, побывавший на Луне, никогда уже не забудет ее, вечно будет стремиться обратно, как стремился всякий, побывавший в Арктике... Он будет тосковать по буйным лунным лесам, по озерам, по глади которых легко бегать в специальной обуви с перепончатыми подошвами, он никогда не забудет восхитительного, знакомого лишь по снам ощущения легкости, которое позволит даже парить в воздухе на полях плаща, как на крыльях. Луна станет чудеснейшим местом, мечтой, сказкой, местом счастья для каждого... Все будут стремиться побывать на ней или вернуться снова на нее.

Эллен слушала, как зачарованная. Она даже не удивилась тому, каким вдруг предстал перед нею Ваня Аникин. На Луне люди выглядят особенными. На Земле мы не знаем их, не умеем разглядеть. Том Голдин, Петр Громов... теперь Аникин!.. Только одна Эллен Кенни ничем, кроме авиаторизма, не проявила себя, ничем не доказала, что достойна быть среди таких людей. Была лишь членом неумолимого уравнения...

С летящего к Луне космического корабля «Разум» было передано на Землю сообщение. Удалось перехватить радиопередачу между шлемофонами оставшихся в живых лунных исследователей Эллен Кенни и Ивана Аникина.

(Продолжение следует)

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
Лунный камень

Ключие разноцветные звезды не мерцали. На Земле они, рассыпанные по небосводу, отличались лишь величиной, но здесь: в космосе, отчетливо ощущались более близкие и более далекие. В знакомом созвездии Большой Медведицы некоторые звезды совершенно выпадали из рисунка: настолько очевидно было, что они отделены одна от другой непостижимой глубиной пространства.

Луна не выглядела огромным полу-месяцем, хотя освещен был лишь ее серп. С близкого расстояния затененная ее часть, более серая, была прекрасно видна во всех деталях. Не такой запомнил Луну Евгений, подлетая к ней в первый раз...

В первый раз!.. А сейчас не в первый?..

Считалось, что он уже пересекал космос, достиг Луны, ступил на ее поверхность. Еще вчера он готов был это утверждать, а теперь...

Неизведанные ощущения охватили Евгения. Магнитные подошвы, позволяли ходить по металлическому полу, лишь удерживали тело, но само оно было наполовну неизъяснимой легкостью, вначале неприятной, вызывавшей тошноту, а потом пьянящей, радующей.

Корабль был огромный, с множеством отсеков и коридоров. Он давал представление о будущих звездолетах, в которых люди, пересекая галактики, будут жить годами. Путешествие в нем напоминало полет в «Искателе-II» — не больше, чем поездка в мягком вагоне экспресса ездю на мотоцикле.

На «Разуме» летело двенадцать человек. Экспедицию возглавлял академик

Белоусов. С остальными советскими участниками экспедиции Евгений работал в космическом институте. В состав экспедиции входили также два американца, профессор Трипп, член космического комитета и старый пилот Джон Смит, радист «Разума», запасные пилоты англичанин Джолиан Сомс, поляк Нагурский и француз Лавеню, добровольцы, в последнюю минуту добившиеся включения их в состав экипажа.

Академик Белоусов нашел Евгения в салоне с закрытой книгой в руках:

— Вот что, друг мой. Мы посоветовались с профессором Триппом и решили, что посадку ракеты доверим тебе. У тебя есть опыт, ты уже спустился на Луну и знаешь, куда именно надо посадить корабль.

Евгений не подал виду, как он взволнован ответственным поручением. Управление ракетой он знал прекрасно, готовясь к телеуправлению «Искателем-II». Но «Разум» был таким огромным!

Евгений сунул книгу корешком в стенку в шкаф и поспешно прошел в рубку управления.

— Хэлло, Эджин! — сказал Джолиан Сомс. — Вы будете единственным человеком, который без возвращения дважды прилетит в одно место.

Евгений кивнул головой и занял уютное место.

До поверхности Луны оставалось около трехсот километров. Через металлический переплет окна виднелась освещенная часть шара.

Гористая часть Луны казалась очень странной из-за длинных теней, отбрасываемых низким Солнцем. Некоторые кратеры зияли чернотой, словно не имели дна. Менее высокие горы исчезали в тени зазубренных пиков, истинные ощущения нарушались.

Евгений беспокоился, найдет ли он точно место на краю лунного диска, куда добралась экспедиция.

Сейчас не было границы между видимой и невидимой с Земли частью лунного шара. Стоявший на пульте лунный глобус был сделан со всеми подробностями лишь с одной стороны, а с другой — пока приблизительно по фотографиям автоматических межпланетных станций. Он не вполне походил на медленно растущий внизу шар...

Евгений заставил гигантский корабль повернуться дном к Луне.

Пот выступил у него на лбу, не столько от появившегося свинцового веса, сколько от напряжения...

Все ниже опускалась ракета-колонна. Вибрировали ее стенки, ревели тормозные дюзы.

Великолепный корабль! Как он слушается каждого движения. Ведь Евгений привык к тому, что его приказы выполняются через полторы секунды, а узнавал он об этом еще спустя такое же время. А сейчас...

За переплетами окна виднелся знакомый горный кряж, перед которым лежало предательское море пепла... Этот кряж тогда дымился... Сейчас он был по-лунному мрачен и неизменен.

Все члены экипажа припали к окнам. Они видели лунный пейзаж впервые...

Летающая башня опустилась сразу на три спружинившие лапы, которые попарно напоминали огромные триумфальные арки.

Скафандры были надеты заблаговременно.

Астронавты цепочкой спустились по алюминиевой лестнице в туман пыли, поднятой дюзами с поверхности.

Евгений, Джон Смит, Казимир Нагурский и Жак Лавеню (спасательная команда) не стали ждать, когда рассеется пылевое облако, они побежали в указанном Евгением направлении.

Евгений видел под ногами следы танкетки, которые он сам недавно оставил здесь...

Он снова был и в знакомом и в совершенно незнакомом месте... Опять та же легкость, которую он ощущал во всем теле, и гнетущая тяжесть на сердце.

Евгений прекрасно ездил по Луне на танкетке, но ходить по Луне он не умел так же, как и его спутники. Он не мог сообразовать свои силы и движения. Он спешил, он хотел бежать, и каждый шаг подбрасывал его высоко вверх, ему казалось, что он разобьется о камни...

И все-таки он бежал, как бежали и его товарищи.

След танкетки нырнул в пепел. Все четверо остановились, надевая на ноги

подобие охотничьих лыж, которые позволяют пройти по пеплу.

Казимир Нагурский держал на плече баллон кислорода. Жак Лавеню нес два запасных скафандра, у Джона Смита были носилки.

На острове видны были скорчившиеся тела...

Евгений подбежал к Эллен и Вянкину. Он присоединил к их шлемам кислородный баллон.

Анкин пришел в себя первым.

— Ну вот! Не утонул все-таки! — сказал он и улыбнулся.

Нагурский делал Эллен искусственное дыхание. Евгений старался помогать.

Наконец Эллен открыла глаза и долго смотрела, ничего не сознавая. Она увидела красивое лицо поляка, и глаза ее удивленно округлились. Но еще больше поразилась она, узнав Евгения.

...Четырнадцать звездолетчиков медленно один за другим тонули по морю пепла к горному кряжу.

Эллен и Евгений двинулись последними.

Петр Громов и Том Годвин лежали в углублении между двумя выступами скалы. С двух сторон вровень с ними выступами были насыпаны камни. Прозрачные колпачки шлемов были сняты. Оба исследователя смотрели в звездное небо, которое дерзнули покорить...

У них были строгие, спокойные лица, даже величественные, может быть, оттого, что они чем-то напоминали скульптуру.

— Мы закроем их наменной плитой, — сказал академик Белоусов.

— О нет! — запротестовала Эллен.

— Они всегда должны смотреть в звездное небо. Они первые дотянулись до него.

— Нет, — покачал головой академик. — Они — люди Земли. Пусть по обычаям родины камень накроет их гробницу.

Джон Смит принес вещи погибших, оказавшиеся в их скафандрах: золотые самородки Тома Годвина, стеклянные пробирки с темной жидкостью и красноватой массой.

— Это, — сказала Эллен, беря стеклянные пробирки, — это позволяте взять мне, Громов очень ценит эти открытия.

— Мы продолжим их, — сказал Евгений.

Двенадцать человек, все, кроме Эллен и академика, подняли огромную базальтовую глыбу. Это было возможно только на Луне.

Осторожно несли они, спотыкаясь на неровностях, тяжелую плиту к могиле и осторожно положили ее сверху.

Эллен мужественно снимала кинокамерой миг, когда закрыты были застывшие в холодном и мудро спокойствии лица первых исследователей Луны.

— Я знаю, — сказала Эллен, — в один из следующих рейсов сюда прилетит скульптор. Он высечет на этом лунном камне их изваяния... именно так, как представила я их себе на острове, наполовину вошедших в камень...

— Им высекут памятник и на Земле, — сказал академик.

Белоусов дал по радио сигнал, и с исполнительской башни «Разума» вылетел снаряд ракет. Словно выброшенные из жерла вулкана, они оставляли за собой изогнутый дымный след. Все вместе они напоминали расцветшую в черном небе хризантему. Потом звездные огоньки стали медленно падать меж неподвижных звезд. Они походили на огненный дождь...

(Окончание следует).

Продолжение. Начало см. в номерах от 13, 16, 20, 23, 27 декабря 1959 г. и 6, 10, 13, 20, 24, 27, 31 января, 3, 7, 10, 14, 17, 24, 28 февраля и 2 марта 1960 года.

След Разума

Горный край на краю лунного диска назвали Горой Памятника.

— Я так подумала, — сказала Эллен: — если мы поднимемся на вершину горы, как этого хотели командор и Годвин, мы сделаем им самый лучший памятник.

— Мисс Кенни говорит весьма разумно, — заметил профессор Трипп. — Лучший памятник ученому — завершение начатых им исследований.

— Я уже просил разрешения подняться на край, — заявил Евгений.

— Я во что бы то ни стало пойду туда. И я не попрошу в пути ни у кого помощи, — решительно сказала Эллен, умоляюще смотря на академика.

Тот крикнул и зашевелил лохматыми бровями:

— Я бы отказал вам, моя дорогая исследовательница, если бы такое восхождение не было предусмотрено, как первоочередное, в плане работ экспедиции «Разума!» — и академик объяснил, что для восхождения выделяется группа в составе Евгения Громова, академика Белоусова, Эллен Кенни, Джона Смита, Джозуана Сомса, Жака Лавеню и Казимира Нагурского. Профессор Трипп остался руководителем базы на ракете «Разум».

Начало подъема откладывать не стали. Извержение, очевидно, уже ослабло, но хотелось заставить вулкан еще действующим, заснять на кинолентку картину лунной вулканической деятельности, изучить все, что возможно. Геологом и селенологом был сам академик, поэтому он и включил себя в группу.

— Я утратил здесь, дорогие друзья, пять шестых своего безусловно излишнего на Земле веса, — словно оправдываясь, говорил он. — Но это не главное. Я, очевидно, сбросил вместе с лишним весом и груз лет, я могу теперь вспомнить, как поднимался на трудные вершины с такими волками альпинизма, как академики Игорь Евгеньевич Тамм или как член-корреспондент Академии наук Гавриил Адрианович Тихов. Я, снаку откровенно, был тогда им под стать. Потом, правда, состарился, но Луна меня омолодила.

Казимир Нагурский понимал в альпинизме толк и уже доставил с ракеты альпинистский инвентарь: специальные ботинки, альпенштоки, ледорубы, которые здесьгодились лишь для камня, веревки, крюки, клинья и даже канители новинки, в частности семь железных непрозрачных зонтиков, которые могли предохранить путников от дождя лавы.

Евгений Громов, как и его брат, мастер альпинизма, одобрил предусмотрительность покая.

Окончание. Начало см. в номерах от 13, 18, 20, 23, 27 декабря 1959 г. и 6, 10, 13, 20, 24, 27, 31 января, 3, 7, 10, 14, 17, 24, 28 февраля, 2 и 8 марта 1960 года.

Александр КАЗАНЦЕВ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

С первых же шагов восхождения получилось так, что Евгений стал командиром похода. Однако авторитетом в лунных условиях оказалась Эллен. Анкин из-за поврежденной ноги остался внизу, и Эллен, единственная из участников подъема, имела опыт движения по лунной поверхности. Она научилась прекрасно рассчитывать свои силы, очень точно прыгала.

Евгению пришлось советоваться с Эллен во всем: можно ли перепрыгнуть через расщелину, можно ли удержаться на этой отвесной стене?..

Эллен деловито выслушивала его, давала толковый совет и молча выполняла самые трудные задания.

— Без вас, девочка, мы просто не могли бы подняться сюда, — заметил академик, когда его вытащили на веревке на очередную кручу. До этого на нее запрыгнула снизу Эллен, держа конец веревки.

Привал решили сделать примерно в том месте, откуда Петр Громов и Том Годвин рассматривали утонувшие цирки. Теперь этой картиной любовался академик.

— Какая наглядность! Вы только посмотрите! — восхищался он. — Превосходное подтверждение теории о поднятии и опускании земной коры. Опускается всегда высокие места. То есть горные страны. Они оказываются впоследствии на дне океанов. На Луне то же самое! Некогда высокогорная лунная страна, полная вулканических, как мы теперь знаем, цирков, опустилась. Каждая точка коры, повидимому, любой планеты совершает как бы колебательное движение, чрезвычайное растущее во времени. Если бы мы изобразили высоту какой-нибудь точки планеты над уровнем ее океана и показали зависимость этой высоты от смены миллионов лет, то получилась бы волна, снизу сойдя!.. Полюбуйтесь, вот она, окаменевшая диаграмма!

Внизу виднелись полузатлтые затвердевшим камнем кольцевые острова.

Академик оказался неугомонным. Ему уже не сиделось:

— Друзья, единственно, от чего здесь можно устать, так это от отдыха! Евгений решительно поднялся и перекинул через плечо веревку. Ему удалось найти удобный перевал, но, чтобы воспользоваться им, предстояло перебраться через черную пропасть.

— Она словно наполнена сажой, — заметил Джон Смит.

— Будет мост имени Смита, — пообещал Нагурский.

Нагурский припас ракетный гарпун. Надо было попасть им точно в одну из трещин на противоположной стороне пропасти, чтобы он застрял там и позволил натянуть привязанную к нему веревку.

Нагурский оказался прекрасным стрелком. Гарпун прочно застрял в трещине. Веревку удалось натянуть, и все по очереди переправились через пропасть с помощью крюка и подвесной петли, как в свое время через лунную трещину.

Группа взбиралась все выше и выше. Семь человек помогали друг другу, страховали один другого, делали восхождение более безопасным, чем толк для двух альпинистов.

Горизонт стал шаром, отчетливо замечалась выпуклость лунного шара. Но видимость вдаль была совершенно такой же, как и вблизи. Никакой дымки! Правда, разобрать детали было труднее, но это не потому, что они были медьче, а из-за того, что контуры гор наглядывались там один на другой.

Евгений вел группу точно. Сделали еще один привал, потом бросок и... люди увидели «ту сторону Луны».

Она не должна была быть особенной, чем-то коренным отличаться от видимой с Земли части, но... было на «той стороне Луны» нечто, что заставило всех замереть.

Поднямаясь на последний камень перевала, все застыли, напряженные.

— Вот он, вулкан Петра Громова, — первым произнес академик.

— Великолепный вулкан! — сказал Жак Лавеню.

— Он больше Везувия и Этны, — заметила Эллен.

Да, это было совершенно ново для Луны, но посередине огромного цирка над острым коническим пиком клубилось облако дыма, вернее, оно столбом взлетало вверх и там распылялось туманным шаром.

Черная тень тянулась от вулканического пика через всю арену цирка и достигала противоположной части кольцевого хребта, расщеченного вертикальными светлыми полосами.

Академик смотрел на действующий вулкан в бинокль и чертыхался, что окуляры нельзя поднести к глазам. Мешал колпак шлема.

Так и не пристроив его как следует, он махнул рукой и передал бинокль стоявшему рядом Джону Смигу.

— Прекрасная труба, сэр. И дымится, — сказал тот.

Евгений взял бинокль последним. Эллен инкося наблюдала за ним. Сначала он направил его на центральный пик, над которым стоял дымный столб, а потом стал почему-то рассматривать усыпанное вулканическим пеплом дно кратера.

Бинокль задрожал в его руках.

— Что вы видите? — тихо спросила Эллен.

— Посмотрите вы, — сказал Евгений, передавая бинокль.

Эллен поднесла бинокль к глазам.

— Этого не может быть! — удивленно сказала она. — Мы здесь не проходили.

— Что такое? — заинтересовался академик.

— Следы, — сказал Евгений.

— Какие следы? — поразился Белоусов.

— Взгляните.

Академик сердито взял бинокль и на этот раз сумел им воспользоваться как следует.

— Вы не могли здесь пройти?

— Для этого нужно было бы перебраться через кольцевой хребет, — напомнил Евгений.

— Значит, кто-то перебрался? — повысил голос академик.

Евгений пожал плечами.

Теперь в бинокль смотрели все по очереди. То, что они видели, превосходило все допустимое...

От подножия кольцевого хребта по дну кратера к центральному пику вулкана тянулась цепочка... следов.

Да, это были следы... безусловно, следы. Маленькие лунки в слое пепла... все на расстоянии шага одна от другой...

— Шестиногое лунное чудовище, — сказал Жак Лавеню.

— На Луне чудовищ нет и быть не может, — строго сказал академик.

— Не шестиногое, — заметил Джон Смит, рассматривая далекие следы в бинокль. — Это следы трех двуногих...

Писатель Александр Петрович Казанцев (родился в 1906 году) — инженер по специальности. Он — мастер спорта СССР, член Бюро секции астронавтики Центрального аэроуправления СССР имени В. П. Маслова. Опубликованная в «Советском патриоте» с сокращениями повесть А. Казанцева «Планета пепла» полностью печатается в майском номере журнала «Нева».

— Невероятно! — воскликнул Нагурский.

— Это... Это... — задышался академик. — След Разума!

— Разума? — изумился Лавеню. — Но ведь он...

— Да не ракеты, черт возьми! — взорвался академик. — Кто мог оставить следы на Луне?

— В самом деле, кто?

— И когда? — послышались вопросы.

— Только разумные существа! — провозгласил академик. — А когда? Может быть, пятьдесят лет назад, может быть, пятьдесят тысяч лет назад... На Луне все сохраняется неизменным...

— Только не здесь, Василий Афанасьевич, — подсажал Евгений. — Давние следы вблизи действовавшего вулкана давно засыпало бы пеплом.

— Он прав! — воскликнул академик. — Иначе и быть не может! Нельзя верить, что мы — избранныки природы и существуем, разумные, одни во всей Вселенной! Конечно, множество далеких и близких миров породило Разум. И естественно, что, стремясь к познанию всего сущего, они летели в космос, как полетели мы. И они останавливались, черт возьми, останавливались... во всяком случае на Луне и... кто знает, где еще!..

— И заинтересованные действующим здесь вулканом, пришли именно туда, куда стремились и мы, — подсажал Евгений.

— Друзья, — сказал академик, — если бы я не руководил международной космической экспедицией, я приказал бы сейчас спускаться в кратер. Кто знает, что мы откроем, идя по следам Братьев по Разуму, протянувших руку высшей цивилизации!..

— Но вы осторожный руководитель экспедиции и должны поставить здесь точку? — спросила Эллен.

— Точку? — возмущился академик. — Это вы будете писать свою повесть «Лунная дорога» и поставите здесь точку, напишете «Конец», а наука, исследование, жизнь... они никогда не кончатся!..